

ПРОМЕТЕЙ №8

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

**ЧЕЛОВЕК,
ОТКРЫВАВШИЙ
ЛЮДЯМ ГЛАЗА.**

ПАМЯТИ УЧЕНОГО
И ГРАЖДАНИНА
С. Г. КАРА-МУРЗЫ

**ТИХОН
ШЕВКУНОВ:**

НЕДИССЕРТАБЕЛЬНАЯ
ДИССЕРТАЦИЯ

**ЧИТИНСКАЯ
РЕСПУБЛИКА:**

КАК ЭТО БЫЛО.
120 ЛЕТ НАЗАД
БЫЛО ПОДАВЛЕНО
ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ
ВОССТАНИЕ

ЕМЕЛЬЯНОВ Ю.В.: ОЧЕРЕДНАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ | **КОНОНОВА О.А.:** «ПОЛИЦЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»: ВКЛАД В РЕВОЛЮЦИЮ | **ПЕРЕЛЫГИН С.И.:** СИТУАЦИЯ В ЕВРОПЕ В 40-50-Х ГГ. XX ВЕКА И СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА | **ХАРЛАМЕНКО А.В.:** ВЗЛЕТ И ТРАГЕДИЯ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ | **ЗАЯЦ Н.А.:** БЕЛЫЙ ТЕРРОР В ПРИКАЗАХ КОМАНДОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ АРМИИ А. В. КОЛЧАКА | **РАТЬКОВСКИЙ И.С.:** НЕ ТОЛЬКО СЕСТРА: ЛЮДМИЛА РУДОЛЬФОВНА МЕНЖИНСКАЯ

Прометей (Алгоритм)

Альманах
Прометей № 8

«Алисторус»

2026

УДК 94+32
ББК 63.3(0)+66.0

Альманах

Прометей № 8 / Альманах — «Алисторус», 2026 — (Прометей
(Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-322-1

В новом, восьмом выпуске историко-публицистического альманаха «Прометей» затронуты самые актуальные и спорные темы истории России и мирового левого движения. Читателям предлагается новый взгляд на историю социального бандитизма, захватывающая хроника созревания революционных настроений среди российского пролетариата в конце XIX века, споры о «попе Гапоне» и современной антисоветской идеологии Тихона Шевкунова... Авторы «Прометея» противопоставляют историческую правду и исследовательскую честность мифам и конъюнктуре. Издание подготовлено участниками Клуба Левых Историков и Обществоведов (КЛИО). Альманах предназначен для широкого круга читателей, которые интересуются или профессионально занимаются историей России и мира. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94+32
ББК 63.3(0)+66.0

ISBN 978-5-00269-322-1

© Альманах, 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Кредо «Прометея»	7
Светлой памяти Сергея Георгиевича Кара-Мурзы	9
Памяти Сергея Георгиевича Кара-Мурзы	9
Человек, открывавший людям глаза	14
Первой Русской революции – 120: правда против вымыслов	18
Очередная диверсия против отечественной истории	18
«Полицейский социализм»: вклад в революцию	29
Читинская республика: как это было	45
История политического авантюризма	60
Гапон. Из священника – в анархо-синдикалисты	60
На фронтах холодной войны	71
Ситуация в Европе в 1940–1950-е гг. и создание Организации	71
Варшавского договора	
Белый террор в России: только факты	78
Белый террор в приказах командования Западной армии А. В.	78
Колчака (январь – июнь 1919 г.)	
Конец ознакомительного фрагмента.	86

«Прометей» № 8

Автор-составитель А. И. Колпакиди

Серия «Прометей»

Авторы:

А.Колганов, Е. Полиновская, А. Сластин, Р. Вахитов, В. Костарев, Д.Костенко, И.Яцынина и др.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА «ПРОМЕТЕЙ»

Колпакиди Александр Иванович (главный редактор)

Вахитов Рустем Ринатович

Замостьянов Арсений Александрович

Кононова Ольга Алексеевна

Рузанов Станислав Александрович

Спицын Евгений Юрьевич

«Прометей» № 8: Сборник / Автор-составитель А. И. Колпакиди. – М.: Родник, 2026. – 520 с.: илл. – ().

© Колпакиди А. И., автор-сост., 2026

© ООО «Родник», 2026

Кредо «Прометея»

Слово редколлегии к читателям альманаха

Уважаемый читатель! В твоих руках новый выпуск историко-публицистического альманаха «Прометей» – принципиально нового издания, основанного участниками Клуба Левых Историков и Обществоведов (КЛИО).

Название альманаха не случайно. Прометей – легендарного древнегреческого титана, могучего защитника простых людей от произвола и деспотизма богов – Карл Маркс называл «самым благородным святым и мучеником в философском календаре». Ради счастья людей Прометей похитил божественный огонь у избранных, чтобы отдать его людям. Наш «Прометей» ставит именно такую задачу – сделать историческое знание уделом многих, осветить (и в прямом, и в переносном смысле) самые яркие эпизоды истории освободительного, антиабсолютистского движения нашего народа. Показать подлинные источники для его вдохновения, а также указать на влияние, которое оно оказало на современников и потомков. Свою задачу мы видим еще и в том, чтобы освободить от наветов и лжи имена замечательных людей, как в истории Родины, так и в истории мировой. Имена тех, которые подобно титану Прометею отдали пламень собственных душ во имя освобождения человека труда – самого благородного и жертвенного дела на Земле.

Данный альманах призван объединить усилия огромного числа ученых, которые в наше предельно трудное для отечественной науки время продолжают заниматься этой исключительно важной для нашей страны темой. Эту тему сегодня категорически не приемлют апологеты «официального» или «государственно-консервативного» взгляда на историю, представители которого безраздельно господствуют в общественно-политическом пространстве, независимо оттого к какой из групп этого, на самом деле единого, лагеря они принадлежат – к условному «либеральному» или условному «консервативному».

Авторы альманаха открыто заявляют, что их главная задача состоит в том, чтобы на основе объективного исторического анализа и объективных данных поставить заслон воинствующим фальсификаторам наиболее героических страниц отечественной истории, и в особенности ее советского этапа, как безусловной вершины в тысячелетнем движении народов России на пути к независимости, свободе и прогрессу. Истории, вместившей в себя ярчайшие страницы, которыми все народы нашей страны по праву могут и должны гордиться, и на примерах которой могут и должны строить свое настоящее и будущее.

Так же как и многие герои нашего первого и всех последующих выпусков «Прометея», наш альманах отстаивает идеи прогресса, идею поступательного развития человечества. Мы будем спорить, предлагать новые идеи и трактовки, открывать архивы. Отживших «консервативных» стереотипов и представлений об истории Родины (в особенности тех, которые в нашей науке обанкротились еще 200 лет назад) «Прометей» категорически не признает. То же самое относится и к мировой истории, к ее ангажированным интерпретациям, которые, к несчастью, завладели сегодня многими умами.

Свою наиглавнейшую задачу «Прометей» видит в том, чтобы на примерах русского и мирового исторического процессов приучить наш народ к той важной, но категорически неприемлемой для многих представителей сегодняшних «элит» мысли, что не они (эти самые «элиты») и не их нынешние венценосные и скрепоносные кумиры-охранители есть подлинные вершители судеб Отечества и истории в целом. Что именно народ, который должен знать всю правду о своей собственной истории – как раз и является самым первым и самым главным ее создателем и творцом. Именно эту, казалось бы, банальную, но крайне непопулярную сегодня

истину, словно легендарный огонь Прометея, как раз и будет доносить до читателя наш одноименный альманах.

Хотите знать правду о прошлом и настоящем, правду об обществе и государстве, о социализме и черносотенстве, о «святых» царях и полузабытых революционерах-героях? Правду о том, как меняется мир – иногда даже непосредственно на наших с вами глазах? О том, кому выгодны религии и войны, кто и почему стравливает народы и усыпляет в нас классовое сознание?

Читайте «Прометей»! Редакция издания будет признательна всем, кто готов сотрудничать и поддерживать альманах в нашей общей борьбе за объективную историю любыми доступными вам способами: подписывайтесь на него, присылайте свои материалы, обсуждайте его и распространяйте среди товарищей и друзей. Наш альманах сможет сделать важные открытия в области общественных наук только при условии, если мы будем взаимодействовать в режиме диалога и взаимопомощи, если будем вместе. Если мы будем действительно товарищами.

Вместе – победим!

Светлой памяти Сергея Георгиевича Кара-Мурзы

Памяти Сергея Георгиевича Кара-Мурзы

Козырева Ольга Владимировна,
модератор интернет-форума С. Г. Кара-Мурзы

18 октября ушел из жизни один из самых выдающихся мыслителей современности – социолог, политолог, философ, исследователь, публицист Сергей Георгиевич Кара-Мурза.

Всю свою жизнь он любил Россию и пытался «понять общество, в котором живём». Не подходить к нашему обществу с идеологическими мерками, как подходят многие, а именно понять. И это ему удавалось.

Сергей Георгиевич Кара-Мурза.

Фотография. 1980-е гг

Помню, как во второй половине 1990-х, сталкиваясь с тогдашними реалиями, я пришла к осознанию того, что строительство западного капитализма, западной демократии, которую нам обещали реформаторы, пошло в России каким-то не тем путем, привело к никем не предсказанным, неожиданным результатам. Ведь в начале 1990-х неolibералы обещали нам быстрое строительство общества «как на Западе», а коммунисты протестовали против западного капитализма, но были уверены, что его в нашей стране удастся построить. Однако множество фактов нашей повседневной жизни противоречило обещаниям реформаторов, а реформы вызвали глубочайший кризис во всех сферах жизни общества, деиндустриализацию страны и демографическую катастрофу. Обществоведы не давали внятных объяснений происходящему. Часть обществоведов и политиков лишь внушала идеи о «неправильности» российского народа, о его «исторической вине», о «70 лет тупикового развития». И только книги Сергея Георгиевича – в первую очередь, «Манипуляция сознанием» и «Советская цивилизация» – смогли нам тогда объяснить, почему реформы 1990-х привели в России к затяжному кризису, к общественной травме.

Сергей Георгиевич дал понимание того, что Россия – отдельная цивилизация, что её советское прошлое не было каким-то «тупиковым путем», «отклонением от столбовой дороги цивилизации», а полностью вытекало из условий проживания, истории, культуры и представлений населявших её народов, и в первую очередь из представлений и культуры крестьянства, составлявшего в досоветское время более 80 % населения страны. Поэтому попытки отказаться от собственного прошлого в ходе перестройки и неolibеральных реформ были равносильны отказу от собственной идентичности.

Сергей Георгиевич помог нам переоценить заново роли Ленина и Сталина в нашей истории, показав, что их действия были порой единственно возможными для спасения страны. Он также помог заново переоценить работы Ленина – в первую очередь, «Империализм как высшая стадия капитализма», показав актуальность этой работы. С. Г. Кара-Мурза глубоко рассматривал и философию народников, и философию сменовеховцев, евразийцев, национал-большевиков (Устрялова), как и философию марксизма и марксистов (Маркса и Энгельса, Розы Люксембург, Долорес Ибаррури, европейских неомарксистов). В своих книгах он пришел к выводу, что Ленин совместил марксизм и народничество – опираясь и на пролетариат, и на крестьянство, – и именно это и привело к успеху ленинской революции, к успеху ленинской политики строительства страны. Сергей Георгиевич рассмотрел и идейный конфликт Сталина и Троцкого – возможность «построения социализма в одной стране», которую отстаивал Сталин, и необходимость мировой революции, которую отстаивал Троцкий, – и обосновал невозможность успеха троцкизма. Многие вещи в российском и советском прошлом, в идейных и не только идейных противостояниях XIX и XX веков становились ясными и очевидными, когда Сергей Георгиевич «раскладывал их по полочкам».

Книги С. Г. Кара-Мурзы читали далеко не все, но его книги изменили мышление всего нашего общества. Его идеи проникали в умы людей, которые никогда даже не слышали его имени, – и меняли общественное сознание. Именно так Сергей Георгиевич совершил «молекулярную революцию» в России – в соответствии с идеями Антонио Грамши, которого сам всегда ценил и цитировал в своих книгах. Мы во многом обязаны восстановлением нашей российской и советской идентичности книгам С. Г. Кара-Мурзы. Благодаря его идеям, с начала 2000-х постепенно произошла переоценка неolibеральных реформ и совершился поворот к советскому консерватизму.

Обладея энциклопедическими знаниями, опираясь на огромный фактический материал, на статистику по самым различным сферам жизни России, а также на работы множества социологов, политологов, философов, С. Г. Кара-Мурза выстраивал системные представления о

России. Он системно описал её политические и экономические институты, институты образования, здравоохранения, науки, принципы построения её инфраструктуры, её культуру, общественное сознание, межнациональные отношения. Сергей Георгиевич показал, что российские (в том числе, советские) институты устроены иначе, чем западные. В их основе лежат иные принципы и иные общественные ценности. Именно по этой причине слом советских институтов привел к тяжелейшему общественному кризису.

Выстроенная им системная картина позволяет не только понять причины кризисных проявлений, но и предсказать возможные проблемы самых разных сторон жизни российского общества. Так, Сергей Георгиевич в книге «Царь-холод или Почему вымерзает Россия» предсказал масштабные аварии инфраструктуры отопления. Сейчас мы наблюдаем такие аварии – например, в нескольких городах такие масштабные аварии происходили буквально два года назад во время холодной зимы, когда в течение нескольких дней целые кварталы городов в сильнейший мороз оставались без отопления.

С. Г. Кара-Мурза рассматривал западную цивилизацию, её особенности, её ценности, её культуру. Он предостерегал от опасности европоцентризма, показывал, как европоцентристские идеи в незападном мире подрывают культурную идентичность народов, а также служат для продвижения интересов западных стран. Еще в начале 2000-х он рассмотрел угрозы «цветных» переворотов, в том числе «оранжевого» переворота на Украине. К сожалению, на его предупреждения не обратили должного внимания, и «Евромайдан» на Украине не был предотвращен.

Сергей Георгиевич рассмотрел возможности конструирования и демонтажа этносов и народов – и предсказал опасность выращивания этнических национализмов, которые в противоположность государственному национализму способствуют разделению страны, сраиванию различных этносов между собой. В качестве учебного примера он рассматривал выращивание этнического национализма на Украине, и еще в 2008 году пришел к заключению, что этнонационализм на Украине является орудием против России и способен взорвать Украину изнутри, что и произошло в 2014 году. Выводы его книги «Демонтаж народа» и сейчас невероятно актуальны, особенно когда некоторые силы в России и за ее пределами используют этнический национализм для внутреннего подрыва России.

Стремясь выяснить причины общественного кризиса, приведшего к разрушению СССР, С. Г. Кара-Мурза обратил внимание на состояние российского обществоведения, которое не смогло спрогнозировать угрозы советскому, а затем и современному российскому обществу. Имея естественно научное образование и долгое время занимаясь методологией науки, Сергей Георгиевич увидел основные проблемы российских общественных наук. Он показал, что российское обществоведение выросло из великой русской литературы и не успело полностью овладеть научной методологией и объективностью, необходимой для научного познания. Идеологизированность и применение заимствованных из западного обществоведения моделей, далеко не всегда применимых к российской действительности, недостаточное владение количественными характеристиками объектов исследований, отсутствие системного подхода к исследованию окружающей реальности не позволяли российским обществоведам знать и понимать российское общество.

Обложка книги С. Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием»

Именно проблемы с пониманием общества и применение к нему не годных для него теорий, как показал Сергей Георгиевич, привели к гражданской войне в начале XX века. Но и позднее не было выстроено обществоведение, нацеленное на понимание советского общества, и в итоге советское общество также не было понято нашими обществоведами. А в 1980-е годы, когда советское общество испытывало кризис быстрой модернизации, непонимание собственного общества привело большую часть интеллигенции к участию в разрушении СССР, к проведению неолиберальных реформ – и таким образом, к усугублению, а не преодолению кризиса. С. Г. Кара-Мурза считал, что и по сей день наше обществоведение не нацелено на глубокое изучение российского общества.

Сергей Георгиевич пытался выстроить обществоведение, которое было бы нацелено на изучение России, а не на идеологическую борьбу или продвижение интересов каких-либо групп. Он работал в Институте социально-политических исследований РАН, в «Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования», позже возглавлял этот центр, который под его руководством был переименован в «Центр изучения кризисного общества». По его мнению, обществоведение в нынешней России должно было быть «кризисным» – направленным на выход из системного кризиса, преодоление основных вызовов и угроз России. Его лекции по обществоведению в двух томах так и называются – «Кризисное обществоведение». Есть у него и «Лекции по политологии». Он читал эти лекции студентам факультета политологии МГУ. Общаясь со студентами, принимая у них экзамены, он всегда удивлялся, почему студентов не научили системному подходу к обществу, здравому смыслу в науке. Вместо этого студенты, отвечая на его вопросы, пытались применить теоретические модели, которым их обучали, но которые были не применимы к российскому обществу. Он видел в этом проблемы как российских общественных наук, так и общественно научного образования.

Сергей Георгиевич всегда приглашал всех интересующихся людей к обсуждению проблем, поднятых им в своих книгах. Вокруг него собралось неформальное сообщество – интернет-форум С. Г. Кара-Мурзы, – которое долгое время служило площадкой для обсуждения самых глубоких философских вопросов бытия и сознания, диалектики и системного мышления, дискуссий о судьбе и пути России, о будущем России и мира. И Сергей Георгиевич лично участвовал во всех этих жарких спорах. Именно на этот форум мы в свое время пришли, прочитав его книги. Мы многому учились у него. Он обучал нас научной методологии, методам работы с информацией, своей безупречной логике, своему системному подходу.

Сергей Георгиевич вел и очные семинары – они проходили в дружеской атмосфере, за чашкой чая. Он был очень открытым, простым в общении, демократичным в лучшем смысле этого слова человеком. Ему было важно мнение каждого из нас. Годы общения с ним – сначала на форуме, а затем и лично – убедили нас в том, что это был умнейший, честнейший, очень добрый и светлый человек. И во всем поле современных мыслителей не было никого, равного ему. Его доброта и любовь к Родине, к нашему народу всегда вызывали высочайшее доверие ко всем его словам и поступкам.

Он был настоящим патриотом России, видевшим всю непрерывность ее истории, все причинно-следственные связи происходящих с ней событий. Он тяжело переживал ее неудачи и провалы, боролся с системным кризисом, стремился оградить Россию и наш народ от различных вызовов и угроз. Для него многое значил именно простой народ нашей страны, его страдания, его сложности и проблемы. Он остро чувствовал социальную несправедливость и боролся с ней. Он не был удобен власти, и она не опиралась и не опирается на его идеи. К сожалению. Ибо необходимо опираться на истинное, а не на ложное.

Творческое наследие его огромно, и нам всем еще только предстоит осмыслить, понять и усвоить его идеи и его методологию. Как и все гении, он опередил своё время. Официальное обществоведение также не в достаточной степени признало его работы. И в дальнейшем необходимо строить то научное обществоведение, нацеленное на понимание нашего общества, которое хотел выстроить Сергей Георгиевич. И, конечно, главное для всех нас – сохранить и улучшить Россию, вывести из кризиса наш многонациональный народ – над чем всю жизнь работал Сергей Георгиевич.

Человек, открывавший людям глаза

Завацкая Яна Юльевна

писатель-фантаст, публицист, блогер

Я помню 1988 год. Еще прочен СССР, еще никто и помыслить не может о том, что здесь начнется через 2–3 года. Я, еще совсем девчонка, студентка, читаю «Новый Мир» в Публичке – это была единственная возможность добраться до нужной мне литературы, ведь «толстые журналы» не продавались в киосках, а подписка была лимитирована.

Я выхожу из Публички оглушенная, растерянная, весь мир для меня перевернулся. Как всегда, по широким, красивым улицам идут люди – но улицы кажутся мне убогими и серыми, а люди – заключенными концлагеря, в одинаковой темной одежде. Еще вчера у меня были цель и смысл жизни, мир казался огромным и невероятно увлекательным, а собственная страна – лучшей в мире, ведь при всех недостатках СССР обеспечивал всех граждан едой и крышей над головой, помогал другим странам обрести независимость и благополучие. За один день для меня этот мир превратился в кошмар.

Так я прочитала Солженицына. Это был тот миг, когда меня настиг удар информационной волны, обрушившейся на Союз. К сожалению, в силу возраста и привычки доверять написанному в книгах, я все приняла всерьез. Конечно, уже печатали разнообразную литературу «о лагерях», но все это можно было объяснить ежовщиной (как объясняли у нас в семье), различными особыми обстоятельствами. У Солженицына были цифры. Было целое «исследование». Я еще не могла представить, что можно просто тупо врать в печатном издании, приводя цифры, высосанные из собственного пальца. Подобная безответственность у взрослых людей казалась невероятной, я даже предположить этого не могла. А прикинув сочетания цифр (население СССР... количество раскулаченных... расстрелянных... посаженных), я не могла не сделать вывода о том, что «коммунистический эксперимент провалился».

Дальше начался кошмар. Я с детства интересовалась обществоведением, марксистской теорией, политикой, и это была стройная теория, объясняющая мир – но она никак не объясняла того, что до нас донесли «разоблачители». Она не объясняла и того, что же делать теперь, как жить, ради чего жить. Для чего я учусь? Неужели только для того, чтобы «зарабатывать на жизнь»? Уже через пару лет стало ясно, что учеба – не лучшая тактика для этого, процветали те, кто рванул в торговлю, возил в баулах тряпье и продавал на базаре, а больше всех процветали бандиты. В чем смысл жизни? Неужели в накоплении бахла и заботе лично о себе? Наступившие 90е сняли эти вопросы – появились семья и ребенок, и нужно было делать то, что необходимо для выживания... Выживающий человек не рефлексит. Ему плевать на историю и современность. Ему, собственно говоря, и на собственные душевные движения плевать.

И лишь в конце 90х, когда появился интернет, оказалось, что все это время в стране жили люди, которые оказались устойчивыми к информационным ударам. Я в то время по семейным обстоятельствам оказалась за рубежом, у меня не было возможности купить печатные издания. В России они просто тонули в потоках «разоблачений». Но интернет с его честным (тогда) поиском дал возможность найти и другие материалы. Первое, что мне попало тогда – книга Льва Леонова «Золотая Гора или как челябинский Мемориал нашу Родину подрывал». Я хорошо помнила помпезное перезахоронение останков на Золотой Горе, митинги по всему городу, приезд Елены Боннэр. То, что там не лежат никакие «300 000 репрессированных», что вообще никто не выяснял и не расследовал всерьез, кто же лежит на этом кладбище... Его просто объявили «местом захоронения расстрелянных», щедро приправили это заявление фантазиями и начали выжимать из жителей города эмоции. Я ощутила себя лохом, ограбленным лотерейщиками на базаре. Вроде как и сама виновата... но ведь и всему городу, вклю-

чая вузовских преподавателей, не пришло в голову задать те вопросы, которые задал Леонов. Я стала искать дальше, наткнулась на статьи Игоря Пыхалова, познакомилась с известными «цифрами Земскова» (а ведь именно цифры-то для меня и были важны).

Потом мне встрети́лась книга «Манипуляция сознанием».

Марксизм советского извода не объяснил мне, что происходит, а здесь я впервые начала обретать объяснение. Зачем потребовалось, чтобы мы поверили в фантастическую ложь Солженицына, в «прекрасную Европу», в то, что наша страна пошла по неверному пути? КАК они это сделали? Изложение по-советски систематичное, обстоятельное, с четкими определениями и понятными объяснениями, в то же время увлекательное, как детектив.

Так я впервые познакомилась с Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой. Потом был форум, где мы – очень разные, порой очень странные люди – дискутировали, искренне пытаюсь прийти к пониманию. Были все другие книги Сергея Георгиевича и множество его статей. Особенно запомнилась «Советская Цивилизация». Здесь предлагалось объяснение СССР, отличное от марксистского. Сейчас я не полностью разделяю его, но мне кажется, Сергей Георгиевич и не ставил цели возглавить некую секту и вести вперед единомышленников, думающих совершенно одинаково.

Напротив, Сергей Георгиевич вполне сознательно учил своих последователей мыслить самостоятельно. Требовал лишь одного – качества мышления. Видимо, в этом он видел единственно возможную «вакцину» против будущих манипуляций.

Форум СГКМ не был простой «болталкой» или местом, где самоутверждаются интеллектуалы. Сергей Георгиевич читал форум, реагировал иногда. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, он использовал это общение как своего рода умственную лабораторию. Он был уникален. Не просто интеллектуал, что-то там осмысливающий, не просто публицист – нет, он создавал целую школу, не в смысле научной школы, именно публичную школу, где люди учились мыслить, учились понимать, что произошло со страной. Противостоять манипуляциям и задавать вопросы к любым утверждениям. И никогда, никогда не «голосовать сердцем».

С. Г. Кара-Мурза на научном форуме. Фотография

Все, что писал Кара-Мурза в своих статьях, сейчас может показаться даже банальностью. Все это сейчас известно, размножено, разъяснено и дополнено, уже вышло множество других книг и о манипуляции сознанием, и о цветных революциях, и о сущности СССР и современного общества. Вот только кто-то должен был сделать это первым – или одним из первых. Кто-то должен был впервые донести это до нас. Как назвать человека, который первым приносит в информационное пространство те мысли, что потом станут «всем известной банальностью»? Мне кажется, это задача для гения.

Сейчас я думаю, что в рамках марксизма вполне возможно объяснить все, что происходило в СССР, включая распад последнего. Но это уже другой марксизм. Тот, что нам преподавали в СССР, был очевидно недостаточен, и наивные представления о «советском рабочем классе, колхозном крестьянстве и трудовой интеллигенции» никак не нелезали на ту сложнейшую конструкцию, которую представляло собой государство раннего социализма. СГКМ предложил другую концепцию СССР – как традиционного, общинного общества. Вероятно, не стоило полностью выбрасывать марксистский анализ. Но какой свежей, какой интересной выглядела эта мысль тогда!

Уже тогда, буквально в 2000-м году, на форуме высказывались идеи, которые у меня лично вылились в итоге в книгу-предупреждение «Ликей»: в будущем-антиутопии Россия разваливается на части, она населена «туземцами», забывшими свою культуру и историю, и благожелательные западные специалисты «несут цивилизацию» этим дикарям. Так мы мыслили уже тогда, и уже тогда была ясна главная опасность, которую западные «деколонизаторы» сейчас уже громко озвучивают вслух как свое основное желание: развал России на маленькие бес-силыные части и тщательное выдаивание этих осколков ради сохранения своего паразитического образа жизни.

Еще предстоит осознать и понять, какую огромную роль сыграл Сергей Георгиевич Карамурза в становлении нынешней России, в русской мысли, в русском информационном пространстве.

От себя лично скажу, что для меня Сергей Георгиевич – один из очень немногих, кто существенно на меня повлиял и смог открыть мне глаза на определенные и очень важные истины. Память о Сергее Георгиевиче и благодарность ему будет жить по крайней мере до тех пор, пока живы мы, его читатели.

Первой Русской революции – 120: правда против вымыслов

Очередная диверсия против отечественной истории

Емельянов Юрий Васильевич (1937–2026)

советский, российский историк, кандидат исторических наук, публицист

С начала октября по телеканалу «Россия» стали показывать рекламные ролики фильма «Хроники русской революции», созданного под руководством режиссёра Андрея Кончаловского и предпринимателя Алишера Усманова. Нам демонстрировали кадры из документальных фильмов про события в России начала XX века. Показали и сцены, напоминавшие эпизоды из советских историко-революционных фильмов. Как и в кинокартинах «Выборгская сторона» и «Яков Свердлов», мы увидели зал Таврического дворца, в котором заседало Учредительное собрание. Нам показали зал Большого театра, в котором делегаты 5-го Всероссийского съезда Советов от партии эсеров пели «Варшавянку», как и в фильме «Шестое июля». В рекламных роликах нас уверяли, что при изображении прошлого в «Хрониках русской революции» все реплики действующих лиц были тщательно сверены с подлинными стенограммами съездов, совещаний и заседаний, что гарантирует исключительную точность воспроизведения исторических событий. На последней неделе октября и в течение первой недели ноября можно было увидеть 16 серий разрекламированного фильма и узнать, насколько оправдались обещания рекламы.

Как была изображена революция 1905–1907 годов в «Хрониках»

Представим себе, что в фильме «Большая перемена», который нынче часто показывают по телевидению, мы бы увидели эпизод, в ходе которого учитель истории Нестор Петрович Северов вызвал бы к доске ученика своего класса и попросил его ответить на вопрос о революции 1905 года, а тот стал бы рассказывать о том, как Горький, Ленин и другие большевики с пистолетами в руках ворвались в кабинет Парвуса и стали там искать гонорар Максима Горького за постановки его пьесы «На дне» во многих германских театрах. Скорее всего, Нестор Петрович возмутился бы ответом своего ученика, осудив его за такую глупую байку. А затем строгий учитель стал бы укорять нерадивого ученика за то, что тот ни слова не сказал о том, что на самом деле происходило в ту пору: о массовых демонстрациях, забастовках на заводах и фабриках страны, о создании первых в истории Советов рабочих и крестьянских депутатов, о выборах в Государственную думу. Легко представить себе также, как переживал бы учитель истории Илья Семёнович Мельников из фильма «Доживём до понедельника» (тот, что осудил своего ученика за незнание о лейтенанте Шмидте), если бы его подопечные не смогли ничего сказать о восстании на броненосце «Потёмкин», о Московском восстании и о его подавлении, о карательных экспедициях и казнях революционеров, жертвами которых стали десятки тысяч человек.

Баррикады. 1905 год. Худ. И. А. Владимиров. 1920-е гг

Однако с конца октября по начало ноября на одном из главных каналов выступал не двоичник, а демонстрировался 16-серийный фильм о революции в России, в том числе и революции 1905 года, в котором не было сказано практически ничего о важнейших событиях тех лет. Вероятно, особое негодование указанных учителей из советских кинофильмов, а также реальных советских преподавателей вызвало бы полное умолчание в фильме с названием «Хроники русской революции» о Кровавом воскресенье. Ведь события 9 января 1905 года во многом определили характер не только революции 1905 года, но и последовавших революций 1917 года. Неужели сценарист фильма Андрей Кончаловский забыл школьные уроки по истории, а его память так ослабела, что уже не помнит, как до 1955 года на всех зданиях в Советской стране вывешивали траурные флаги 22 января (что соответствовало 9 января по старому стилю) в память о расправе с тысячами участников демонстрации рабочих Петербурга на Дворцовой площади этого города?

Демонстрации 9 января предшествовало множество собраний, проведённых на заводах и фабриках Петербурга. На них рабочие составили текст обращения к царю, в котором были перечислены наиболее острые проблемы трудящихся и требования для их решения. Содержание обращения отразило настрой и помыслы не только питерских рабочих, но и подавляющей части рабочего класса России. Обращение открывалось словами: «Мы, рабочие города Санкт-Петербурга, наши жёны, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают всё дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению! Для нас пришёл тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Петиция завершалась просьбой к царю принять меры для избавления народа от мук. Они умоляли царя: «Ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя своё запечатаешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовёшься на нашу мольбу, — мы умрём здесь, на этой площади, пред твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем!

У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них, мы пойдём по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для страдавшей России! Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим её!»

Текст обращения хорошо известен всякому, кто интересовался отечественной историей. Уж тем более его следовало бы изучить тем, кто создаёт произведение о русских революциях. Хорошо известен и ответ на это обращение царских властей, которые за несколько часов до начала демонстрации ввели войска в столицу империи, а как только демонстранты появились на Дворцовой площади, солдаты начали по ним стрелять. Стреляли даже по детям, которые забрались на деревья, чтобы посмотреть встречу народа с царём.

В советское время было немало сказано и написано о безразличии царя и его двора по отношению к словам обращения, с которым монарх и придворные были заранее знакомы. Ещё больше было сказано и написано о жестокой расправе царских войск с мирными демонстрантами: рабочими, их жёнами и детьми. Но каким же бездушием надо обладать, чтобы, зная содержание обращения русских рабочих к царю и ответ царедворцев на него, счесть рабочую демонстрацию и её расстрел на Дворцовой площади событиями, не стоящими внимания в рассказе о революции 1905 года?

Правда, создатели фильма могут сказать, что в их произведении появляется священник Георгий Гапон, который был руководителем «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» и возглавлял демонстрацию рабочих российской столицы. В фильме он представлен как «популярный оратор» и «профсоюзный лидер». А поэтому в фильме изображено выступление Гапона в Петербургском совете, хотя на самом деле такого выступления никогда не было.

Единственное подлинное событие 1905 года, которое нашло отражение в фильме, – это выступление Льва Троцкого в Петросовете 18 октября того года. (Если авторы фильма действительно сверяли бы все выступления действующих лиц с подлинными стенограммами, то они должны были бы указать, что Троцкий выступал под вымышленной фамилией «Яновский», так как всего три года назад он сбежал из сибирской ссылки и за ним могла вестись слежка.)

В фильме показано, как в конце своей речи Троцкий разорвал в клочья царский манифест от 17 октября. Это было его ответом на настроения эйфории, которые охватили значительную часть российского общества после публикации царского манифеста. Взрыв эмоционального восторга, который охватил обманутых людей, ярко описал потом В. Катаев в книге «Белеет парус одинокий». Художник же Илья Репин посвятил небольшую картину этому массовому умопомрачению. Выходку Троцкого повторили и нетерпеливые сторонники революции. В ряде городов стали даже повреждать царские портреты и свергать памятники царям. Антисемитская же газета бессарабского помещика Пуришкевича «Знамя» объявила виновными в осквернении царских памятников и портретов всех евреев России.

Эти действия послужили для царских властей удобным предлогом для организации еврейских погромов, которые с 19 октября прокатились одновременно по нескольким сотням городов России. Их жертвами стали около 4 тысяч человек, и эти события запугали значительную часть населения страны. Поэтому выходка Троцкого, а также атаки на царские портреты и памятники, предпринятые горячими людьми, вряд ли внесли положительный вклад в дело революции.

Скрыв от зрителей сложности и противоречия Первой русской революции, создатели фильма не попытались объяснить, почему она началась и как была подавлена. Вместо этого нам показали множество любовных походов дамы без определённых занятий Ариадны Славиной в барах, банках, ресторанах, кабинетах царской охраны и иностранных посольствах. Судьбы этой любвеобильной особы, а также её многочисленных любовников выглядят на экране не менее значительными, чем судьбы России в годы революции.

Как создатели «Хроник» объяснили крушение самодержавия

Если верить авторам фильма, главными причинами революций в России были: всеобщее воровство и повсеместная коррупция людей, озабоченных исключительно личными интересами. О том, что эти явления были естественным порождением существовавшего тогда строя, в фильме никто даже не заикается. Своё капиталистическое предприятие Путилов из фильма ставит выше государственных оружейных заводов на том основании, что частник якобы органически не может воровать, а руководитель государственного завода не воровать не может. О том, что подлинный Путилов, как и десятки тысяч российских капиталистов, грабил рабочих, создатели фильма умолчали. Ведь не случайно непосредственными поводами к демонстрации 9 января 1905 года были увольнения именно на Путиловском заводе и начавшаяся там забастовка рабочих, измученных продолжавшимся ограблением. Не было сказано и о том, что десятки тысяч российских помещиков веками грабили крестьян.

Однако авторы фильма не считают эксплуатацию трудящихся грабежом, а осуждают лишь те виды ограбления, которые преследовались тогдашними законами. Главным же борцом за честность и порядочность авторы фильма изобразили премьер-министра России П. А. Столыпина. Премьер якобы собрал убийственные факты о противозаконной деятельности видных государственных чиновников и перед своей смертью передал папку с этими фактами своему сотруднику Прохорову. Тот передал папку царю, но монарх проявил полное безразличие к содержанию папки и уволил Прохорова из охраны. (Это событие не поколебало обожания Прохоровым царя, и он хранил как святыню портсигар, подаренный ему Николаем II.)

Лишь хищениями государственной собственности авторы фильма объясняли и поражение российской армии в Первой мировой войне. Поэтому ими была придумана сцена разоблачения кражи снарядов верным слугой царя Прохоровым. Однако снаряды не поступали на фронт не потому, что их кто-то воровал. Российская промышленность производила слишком мало снарядов, а также различных видов вооружений. Вступив в Первую мировую войну, отставшая по уровню экономического развития от своих противников и союзников царская Россия не была к ней готова.

Начальник штаба главнокомандующего великого князя Николая Николаевича генерал Янушкевич писал военному министру генералу В. А. Сухомлинову: «Дело с подбором винтовок удалось всё-таки наладить: до 50 % обеспечено». Это означало, что одна винтовка приходилась на двух солдат. Янушкевич писал: «Появление снарядов на фронте, даже не взрывающихся, может поднять дух войска».

Не хватало не только оружия. Янушкевич писал: «Много людей без сапог отмораживают ноги, без полушубков или телогреек начинают сильно простужаться. В результате там, где перебиты офицеры, начались массовые сдачи в плен, иногда по инициативе прапорщиков. Чего намдохнуть голодными и холодными, без сапог, артиллерия молчит, а нас бьют, как куропаток. У немцев лучше. Казаков, отбивших атакой 500 пленных, последние изругали: кто вас, ироды, просил: опять голодать и мёрзнуть не желаем».

Война вскрыла не только пороки снабжения армии, но и удручающую отсталость. Хотя хищения и злоупотребления чиновников разоряли страну, главными причинами бедствий России был её прогнивший строй, пороки которого обнажила война. Давая показания чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 году, бывший министр внутренних дел А. Д. Протопопов так охарактеризовал положение империи в конце 1916 года: «Финансы расстроены, товарооборот нарушен, производительность страны дала громадную убыль... пути сообщения – в полном расстройстве. ... Наборы в армию обезлюдели деревню, оставили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наёмным трудом персов и китайцев... Деревня без мужей,

братьев, сыновей и даже подростков была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций».

Однако такие оценки тогдашних событий, видимо, в корне противоречат представлениям авторов «Хроник русской революции». Они лишь обвинили военачальников и великих князей из правящей династии в заговорах против Николая II. Упомянув же об убийстве Распутина в декабре 1916 года, авторы обвинили в нём английского разведчика Сидни Рейли, а по происхождению одессита Зигмунда Марковича Розенблюма. Правда, имеющиеся у историков факты не позволяют возложить на Рейли-Розенблюма вину за это убийство. Известно, что Рейли был завербован в английскую разведку лишь в конце 1917 года и появился вновь в России лишь вместе с английскими интервентами в Мурманске в 1918 году. Но, очевидно, режиссёр уверен в том, что он посрамил всех историков, которые продолжают наивно, как он считает, верить тому, что на самом деле убийцами были князь Феликс Юсупов и бессарабский помещик и активный монархист Пуришкевич.

Торжественное открытие памятника «Ленин на броневике» перед Финляндским вокзалом. 7 ноября 1926 г.

Источник: газета «Ленинградская правда»

В «Хрониках» не произнесено слов «Февральская революция» и никак не показано всеобщее ликование народов России по поводу свержения самодержавия: на не прекращавшихся по всей стране массовых митингах народ, наконец, смог «выговориться». Снова и снова с трибун звучали те же жалобы и требования, которые были записаны в обращении к царю 9 января 1905 года. Ораторы и их слушатели надеялись, что новые власти покончат, наконец, с их бедами. В «Хождениях по мукам» Алексея Толстого, экранизациях этого романа, в повести «Школа» Аркадия Гайдара и других художественных произведениях упоминание о Февральской революции неизбежно связано с описанием таких митингов. Но ни одного подобного митинга нельзя увидеть в сериях «Хроник». Не показано и то, как народ осознал, что его ожидания сначала обманули министры-капиталисты, а затем и министры-социалисты вроде Керенского.

Почему, по Кончаловскому, победили большевики и что из этого вышло?

В фильме было показано лишь единственное массовое собрание 1917 года, когда питерские рабочие и солдаты встретили В. И. Ленина на Финляндском вокзале столицы после его возвращения из-за границы. Однако, если верить авторам фильма, собравшиеся люди толком не знали, кто такой Ленин, а кто-то из них говорил, что им заплатили деньги, чтобы они приветствовали вождя большевистской партии. Знаменитое выступление Ленина с броневика показано через окно ресторана, в котором пьянствует с приятелями В. В. Маяковский, а потому из речи Ленина ничего нельзя разобрать.

Как уверяли авторы «Хроник», английская разведка подстрекала объявить Ленина германским шпионом и настаивала на его аресте. На самом деле Ленин ещё не успел выехать из Швейцарии, как с такой инициативой выступили представители французской разведки в Петрограде. Но авторы фильма твёрдо придерживаются версии, известной в России со времён Крымской войны, о том, что «англичанка всегда гадит». В фильме верный слуга царя и сотрудник военной контрразведки Прохоров с первого взгляда разоблачает фальшивый характер обвинения Ленина в шпионаже.

Если бы авторы фильма добросовестно занялись изучением того времени, то узнали бы, что парадоксальным образом английский разведчик Сидни Рейли-Розенблум первым разоблачил в 1918 году поддельный характер липовых документов о «шпионаже Ленина», которые его коллеги купили у мошенника Антония Оссендовского. Рейли заметил, что во всех машинописных материалах, якобы посланных Ленину или Лениным из разных городов мира, русская буква «е» недописана. Правда, не желая оставаться внакладе, англичане продали фальшивку американцам за гораздо большие деньги. И эта история доказывает, что исторические события намного интереснее и парадоксальнее, чем скучные и натужные выдумки киносценаристов.

О деятельности Ленина по организации партии с момента его возвращения в Россию авторы не стали рассказывать. Они показали лишь, как он сбежал из типографии «Правды», чтобы избежать ареста по обвинению в шпионаже. (На самом деле этого не происходило.) Затем следуют кадры, в которых актёр Ткачук, говорящий так же пискляво и с теми же дефектами речи, которые были у логопеда из фильма «По семейным обстоятельствам», купался в озере возле станции Разлив, ел там уху и варёную картошку. О том, что в то время, когда Ленин скрывался на станции Разлив, проходил Шестой съезд большевистской партии и он постоянно поддерживал связь с делегатами съезда, не было сказано ни слова.

Кажется, стремясь поразить зрителей своей причастностью к сокровенным тайнам, авторы фильма придумали сцену, из которой следует, что план большевистского восстания в октябре 1917 года был подготовлен военной контрразведкой России. Прохоров и его начальник, вступив в переговоры со «Сталиным» и «Дзержинским», изложили им план переброски крейсера «Аврора» к Зимнему и занятия всех ключевых учреждений столицы и мостов через Неву. Видимо, с точки зрения режиссёра, подлинные большевики, включая Сталина, Дзержинского и Ленина, не смогли бы такого придумать. Согласившись с этим планом, «Сталин», подобно персонажам из «Кавказской пленницы», достал откуда-то бутылку с вином, а затем стал пьянствовать с начальником российской контрразведки.

Из содержания фильма следует, что Ленин не был даже оповещён об этом плане. Стало быть, не было ни писем Ленина о необходимости восстания, которые он направлял членам партии с сентября 1917 года, не было совещаний ЦК партии в октябре, на которых был принят план восстания и сформирован состав Военно-революционного комитета партии, не создавались отряды Красной гвардии, готовившиеся к захвату власти.

В отличие от Джона Рида, создателей фильма не «потрясли» «десять дней» 1917 года. Ни слова не сказано про взятие Зимнего дворца, про арест Временного правительства, о провозглашении Советской власти на Втором съезде Советов. Авторы умолчали и о том, как в первые же дни Советской власти новое большевистское правительство разрубило десятки гордиевых узлов, которые опутывали народы России, объявив о стремлении немедленно прекратить мировую войну, начать долгожданную земельную реформу, установить 8-часовой рабочий день на производстве, реализовать подлинное равноправие людей вне зависимости от социального положения, пола и национальности.

Зато чуть ли не целая серия «Хроник» была посвящена однодневному заседанию Учредительного собрания. Хотя нас многократно оповестили, что каждое слово, записанное стенографистами тех лет, было перепроверено автором сценария, в этом можно усомниться. В государственном архиве в Москве имеется стенограмма заседания Учредительного собрания. Записано там и то, что сказал председательствовавший на заседании эсер Чернов: «Слово просит гражданин матрос». Этим матросом был А. Г. Железняков. Несколько сбивчиво он передал депутатам Учредительного собрания пожелание наркома Дыбенко покинуть помещение, так как охрана устала нести дежурство.

В ответ Чернов, посоветовавшись с секретарём собрания, заявил «гражданину матросу», что депутаты тоже устали, но усталость не мешает им заниматься обсуждением самого жгучего вопроса для России – вопроса о земле. Железняков покинул собрание, а депутаты вновь продолжили обсуждение вопросов повестки дня. Уже после выступления Железнякова Учредительным собранием был принят закон о земле. Было также принято обращение к союзникам по Антанте об условиях демократического мира. Лишь после принятия этих решений в 4 часа 40 минут утра 19 января 1918 года Чернов объявил заседание Учредительного собрания закрытым и назначил его второе заседание на 5 часов вечера того же дня.

Однако вместо этих застенографированных фактов и заявлений создатели «Хроник» пересказали содержание сцены, придуманной создателями кинофильма «Выборгская сторона», а затем вновь воспроизведённой в фильме «Яков Свердлов». Поэтому «Ленин» и другие «советские руководители» из «Хроник» рассказывают о том, как матрос Железняков подошёл к Чернову, положил ему руку на плечо и гаркнул: «Караул устал. Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам!» В сценариях двух советских фильмов сказано: «Чернов, запинаясь, говорит: «Объявляю закрытым первое заседание Учредительного собрания. «И последнее! – громко говорит красногвардеец. Члены учредительного собрания торопливо идут из зала. На часах – четыре часа сорок минут». Возможно, эта сцена показалась советским режиссёрам яркой и убедительной. Однако искажение исторической правды даже якобы в благих целях

никогда не доводит до добра. Теперь это искажение использовали ярые враги советского прошлого.

Победа Советской власти, с точки зрения авторов «Хроник», стала торжеством всего, что они так люто и последовательно ненавидят. Поэтому они выдвинули против советских руководителей те же обвинения в коррупции, которые ранее возводили против великих князей и других представителей царских верхов. В фильме «Сталин», выступая на заседании Политбюро, объявляет, что у каждого члена Политбюро есть секретные счета в зарубежных банках и они осуществляют незаконные финансовые операции. Но тут же кто-то из обвинённых им обличает «Сталина» в наличии у него своих тайных счетов в иностранных банках.

Разумеется, подобного заседания Политбюро не происходило, а счетов у членов этого высшего партийного органа не имелось. Не было и «чёрной тетради», в которую Ленин якобы записал свои критические замечания в адрес Сталина вместе с предложением снять его с должности генсека. Эти заметки Ленина были хорошо известны задолго до появления на экране «Хроник». Они были частью «Письма к съезду», продиктованного стенографистке М. А. Володичевой. «Письмо» хранила Н. К. Крупская, а затем оно многократно оглашалось на партийных съездах и разных собраниях, в том числе и лично Сталиным. Известно, что, помимо замечаний в адрес Сталина, Ленин высказал в этом же «Письме к съезду» ряд критических суждений о Троцком, Зиновьеве, Каменеве, Бухарине, Пятакове. Получается, что русские революции, которые затевали люди нечестные и корыстолюбивые, увенчались приходом их к власти. Таков вывод, который может сделать зритель, не знакомый с исторической правдой.

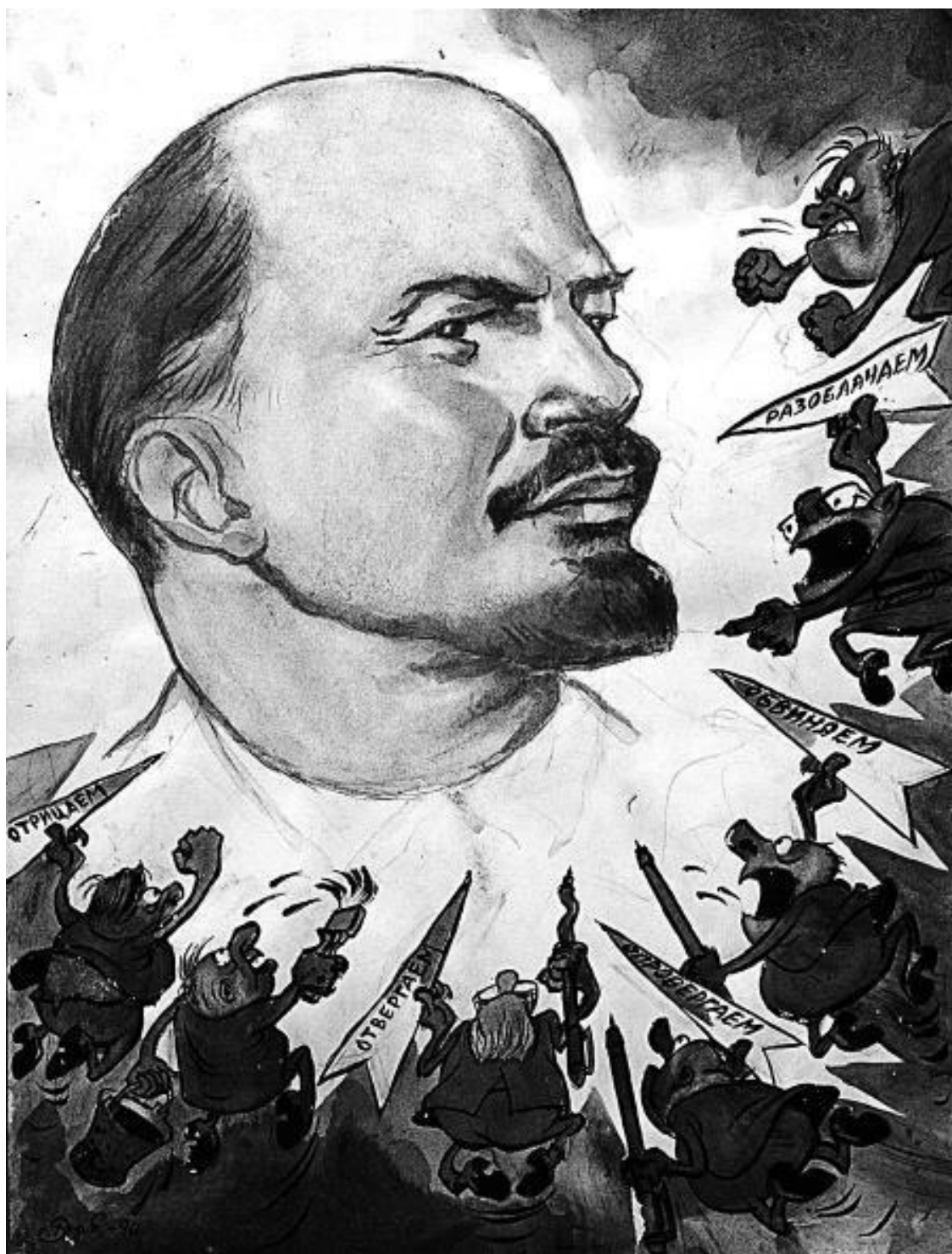
Зачем понадобились «Хроники русской революции»?

Много ли сейчас людей в нашей стране, которые имеют весьма приблизительные представления о её истории? Даже во времена, когда в школах историю преподавали такие замечательные учителя, как Нестор Петрович Северов и Илья Семёнович Мельников, имелось немало невежд. По мере же того, как изучение истории в школах, институтах, университетах и за их пределами становилось более формализованным, знания о прошлом нашей страны у многих выпускников советских учебных заведений становились всё менее основательными. Иначе трудно себе представить, почему ещё в конце советской эпохи в стране стали широко распространяться отпечатанные на ротопринте бредовые антиисторические сочинения Фоменко и Носовского, почему многие люди слепо поверили лживым публикациям о советском прошлом в конце 1980-х годов, почему сразу после крушения СССР произведения лжеца и предателя Резуна раскупались миллионными тиражами.

А затем прошли целые десятилетия, в течение которых лжецы и фантазёры стали беспрепятственно распространять свои вздорные версии на исторические темы. Удивительным парадоксом нашего времени является одновременное появление для подавляющей части человечества возможностей ознакомиться с самой разнообразной научно обоснованной информацией и нарастающая деградация знаний у миллионов людей. Несмотря на то, что в стране беспрестанно говорят о важности бережного отношения к исторической памяти и распространения знаний об истории нашей страны, я часто убеждаюсь в катастрофическом невежестве многих современных россиян.

Вот уже два года, как я еженедельно выступаю с лекциями на исторические темы. Обычно на них приходят знающие историю люди, живо интересующиеся этим предметом. Но вот мне задаёт вопрос слушатель, спрашивающий, что я могу сказать о налёте английских самолётов на СССР за пару часов до нападения гитлеровской Германии 22 июня. В ответ на мои возражения против этой нелепой байки мужчина уверенно объявляет меня неграмотным. А вот ко мне подходит женщина и заговорщицким тоном сообщает, что работы по освоению целинно-

залежных земель, начавшиеся в 1954 году, на самом деле служили для прикрытия создания космодрома на Байконуре.

В защиту В. И. Ленина. Плакат художника Б. Е. Ефимова. 1990 г.

Но подобные случаи в той аудитории, в которой я выступаю еженедельно, единичны. Недавно же в центре Москвы мы стали свидетелями массового собрания людей, открыто демонстрировавших своё дремучее невежество и агрессивную вражду к исторической памяти. Ход собрания был запечатлён в передаче «Разговор после премьеры», показанной 18 июля по

каналу «Спас». «Разговор» представлял собой запись выступлений на собрании, организованном в кинотеатре «Октябрь» после просмотра фильма «Мумия».

Члены президиума и зрители, выступавшие через установленные в зале микрофоны, были единодушны: тело Ленина надо немедленно убрать из Мавзолея. Многие из ораторов требовали сжечь тело Ленина и уничтожить Мавзолей. Также предлагали снести памятники, посвящённые Ленину, изменить названия населённых пунктов, улиц, площадей.

Одна из выступавших рассказала, что в детстве она собрала альбом из открыток, посвящённых Ленину. Теперь после просмотра фильма она решила по возвращении домой сжечь этот альбом. Женщина предлагала так же поступить тем гражданам страны, у которых дома сохранились изображения Ленина или его произведения.

Некоторые же ораторы уверяли, что у стен Мавзолея появляются рогатые и хвостатые существа. При этом никто в зале ни словами, ни гримасами, ни жестами не выражал сомнений в наличии у таких ораторов рассудка. Создавалось впечатление, что в середине 2025 года в центре Москвы собрались те же люди, которые некогда требовали сжигать ведьм и «еретические» книги.

Трудно сказать, разделяют ли создатели «Хроник» подобные дикие представления о прошлом, но нет сомнения в том, что творение режиссёра Андрея Кончаловского вносит существенный вклад в сумятицу, которая уже существует в умах многих людей относительно прошлого нашей страны. В рекламном ролике Кончаловский заявил, что цель его произведения состоит в том, чтобы вызвать «смятение» в умах своих зрителей.

Однако для этого режиссёр должен был завоевать доверие у своей аудитории. Видимо, учитывая, что далеко не все люди в нашей стране готовы поверить содержанию фильма «Мумия» и в чертей, выпрыгивающих из Мавзолея В. И. Ленина, режиссёр прибег к искусным способам влияния на свою аудиторию. После потоков вранья и вязких болот, в которых была утоплена историческая правда, зрители неожиданно увидели кадры о великих достижениях Советской страны. Мы увидели строителей довоенных пятилеток, советских солдат, бросающих гитлеровские знамена к подножию Мавзолея В. И. Ленина, наших космонавтов в космических скафандрах. Концовка «Хроник» никак не вытекает из содержания предшествовавших ей 16 серий, но её содержание не могло не вызвать доверия зрителей. Возможно, расчёт создателей фильма был на доверчивость людей, решивших, что раз кадры в концовке фильма правдивы – значит правдиво и многое в предыдущих 16 сериях.

Столкнувшись с очевидным и устойчивым движением общественного сознания в нашей стране к признанию несомненных ценностей социалистического строя, его враги прилагают всё более активные усилия для того, чтобы как можно гаже опорочить советское прошлое. Сила киноискусства во многом объясняется тем, что его произведения оказывают гораздо большее воздействие на зрителей ярко показанными сценами жизни и образами людей, чем знакомство с печатными текстами, заполненными перечислением исторических фактов, статистикой и цитатами из документов. С помощью умело смонтированных сцен и созданных образов авторы «Хроник» постарались, чтобы зритель испытал как минимум неприязненное отношение, а то и жгучее отвращение почти ко всему, что он видел на протяжении 16 серий.

В карикатурном виде изображены не только Ленин, но и другие исторические фигуры, а потому они не могут не вызвать неприязненного отношения. Такие же эмоции вызывают и вымышленные персонажи. Вряд ли у зрителей вызвал симпатии истерик Алексей, то угрожавший убить Ариадну, то себя, удушивший Гапона, застреливший уличную нищенку. Омерзительен патологический негодяй Лютер. Скучно безупречный Прохоров к концу фильма производит впечатление туповатого служаки, который не знает, за кого он: за красных или за белых. Лишь безразличную скуку может вызвать бесконечная смена любовников Ариадны Славинной.

Вряд ли можно сомневаться в том, что создатели фильма постарались, чтобы зрители восприняли революционное прошлое России как малопривлекательную историю, как кошмар, кото-

рый стоит скорее забыть. А поэтому зритель может прийти к выводу, что изучение фактов о революционной истории не нужно и можно довольствоваться вздорными байками, какими бы они ни были неправдоподобными. Шумная реклама фильма «Хроники русской революции», предоставление для его показа восьми вечеров на одном из главных каналов страны свидетельствуют о том, что казённые разговоры о необходимости беречь историческую память прикрывают продолжающуюся фактическую кампанию по очернению советского прошлого.

«Полицейский социализм»: вклад в революцию

Рабочее движение стало принимать в это время новую форму, по моему мнению (мнению практика), самую устойчивую и опасную для правительства форму. Стало вырабатываться общее массовое рабочее настроение, иначе говоря, организовывалось общественное мнение рабочих, что при сравнительно достаточном количестве литературы делало из каждого завода школу социализма.

Е. И. Немчинов *«Воспоминания старого рабочего»*

Кононова Ольга Алексеевна,

историк, политолог, участник Клуба левых историков и обществоведов

«Полицейский социализм» вошел в историю как детище начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. (Далее мы будем говорить о том, что он не вполне справедливо пожинает лавры единолично.) Рабочее движение, принявшее на рубеже 19–20 вв. форму массового, набирающего обороты с каждым годом, разрешилось революцией 1905 г. Действия власти в лице ее чиновников были направлены на борьбу с рабочими, но единого подхода не было. Объединяла лишь задача – любыми способами сохранить престол. «Полицейский социализм» оказался одной из тактических попыток избежать революции. Но получилось наоборот.

Термин

Прежде всего, стоит сказать о том, чем «полицейский социализм» не является. А именно: идеологией, политической программой.

«Полицейский социализм» – система административных мер по противодействию организованному рабочему движению в целях охранения интересов правящей элиты, предпосылками для которой послужили: 1) позиция российской монархии по т. н. «рабочему вопросу» во второй половине 19 в. – признание его «областью особого попечения государства»; 2) циркуляр МВД от 12 августа 1897 г., предоставивший полиции исключительные права вмешательства в жизнь промышленных предприятий, с одной стороны, а с другой – вынуждающий правоохранительные органы заниматься общественными вопросами, способы решения которых были ограничены рамками абсолютной монархии; 3) а также (с рядом оговорок) прусский опыт «государственного социализма».

Термин «полицейский социализм» сам по себе парадоксальный. Есть в нем какая-то ироничность. Определяемое слово в данном словосочетании – «социализм». Такой термин не мог зародиться в полицейской среде, вообще подобные политические определения не использовались для идентификации чего-либо. Слово «социалист» носило не концептуальный, а ругательный характер. В 1893 г. при обсуждении законопроекта об ответственности предпринимателей за увечья рабочих К. П. Победоносцев обзывал С. Ю. Витте «социалистом». Именно обзывал, а не называл, т. к. очевидно, что никаким социалистом Витте не был.

Изобретение подобного словосочетания революционерами также трудно представить. Пафосное, жертвенное сознание, в котором абсолютно не было места иронии, не могло даже в качестве игры словами представить социализм полицейским. Это было бы кощунством. На страницах оппозиционной прессы («Искра», «Революционная Россия», «Освобождение» и др.) мы встречаем исключительно презрительное слово «зубатовщина».

Российский государственный и политический деятель, граф С. Ю. Витте

Вероятнее всего, словосочетание «полицейский социализм» стало популярным благодаря работе М. Г. Лунца (Григорьевского) «Полицейский социализм в России (Зубатовщина)», опубликованной в 1906 г. Он касается этой темы и в статье «Фабричное законодательство в России», вышедшей также в 1906 г. в журнале «Образование». Лунц – юрист, ученик профессора А. И. Чупрова, по своим общественно-политическим взглядам марксист, занимался исследованием фабричного законодательства. Какой же смысл он вкладывал в формулировку «полицейский социализм»?

Лунц представляет «полицейский социализм» как некий рубеж, предел возможного полицейского воздействия на рабочих, «дальше этого некуда было идти». Очевидно, речь идет о монархических ресурсах. Раскрывая абсурдность используемых государством методов,

Михаил Григорьевич поясняет и смысл используемого им термина, который стал синонимом «зубатовщины», хотя и вмещает в себя большее содержание, по замыслу автора: «Очевидно, что борьба во имя полицейских интересов с устройством крупных фабрик в столицах или городах равносильна борьбе с крупной промышленностью, являющейся *неизбежным (курсив – авт.)* результатом капиталистического развития, и потому обречена на полное бесплодие. Но полицейскому государству – «море по колено». Рабочие, скопленные в городах, бунтуют и представляют опасность для бюрократического правительства, следовательно, не надо допускать насаждения крупной промышленности в городских центрах, и тогда водворится мир и тишина на благо самовластной бюрократии. Как ни невероятно подобное практическое заключение, подобный шаг *полицейской социальной политики (курсив – авт.)*, но он был сделан и не более не менее как в... 1905 году...». Далее автор приводит конкретные примеры как со стороны действий и высказываний финансового ведомства, так и приоритеты, отраженные в фабричных законах, коротко сводившиеся к полицейско-охранительному знаменателю. Но нам, в данном случае, важно понимание Лунцем «социализма» как «социальной политики», которая, как показывает практика, может проводиться в интересах правящей элиты, а именно ее стабильности и сохранения.

В 1903 г. министр внутренних дел В. К. Плеве в разговоре с общественным деятелем А. В. Погожевым так ставил вопрос: какие нужды трудящегося населения «возможно было бы устранить при сохранении существующего самодержавного строя». И далее: «Что же касается перемены образа правления, то в ней – при этом он (*Плеве – прим. авт.*) внушительно помахал указательным пальцем – ни в каком случае не может быть и речи». (Кстати, Погожев называет «зубатовщину» одной из форм «полицейского социализма», подчеркивая тем самым, что Зубатов не был единственным.)

Однако рабочий вопрос был нерешаем в рамках самодержавного строя и проистекающей из него формы взаимодействия государства и общества. В результате сложилась нездоровая ситуация, когда органы правопорядка, а вернее, отдельные представители, пытались выстраивать, структурировать искусственные модели общественных взаимоотношений, присваивать себе общественные функции. В России эта ситуация принимала особенно абсурдные формы. Даже в сравнении с прусским опытом, с попытками полицейских манипуляций в Европе. Из-за неограниченной монархии и зависимости крупного капитала и производства от нее.

Предпосылки

Символическая «точка отсчета» – стачка, произошедшая в 1870-м г. на Невской бумагопрядильной фабрике (барона Штиглица). Участниками акции протеста пока еще не выдвигались политические требования, речь шла только о повышении производственных расценок. Руководство фабрики демонстративно не пожелало вступать в переговоры. Рабочие направили делегацию в полицейский участок «за советом», а после составили жалобу на имя обер-полицмейстера С.–Петербурга Ф. Ф. Трепова. Отметим, что рабочие пока еще пытались найти защиту у представителей власти.

35 лет отделяли эту стачку от революции. Тогда, в 1870-м, власть должна была принять решение, как реагировать на столь новое для себя явление. И вот какой путь она избрала.

Позиция императора появляется в секретном циркуляре МВД от 6 июня 1870 г., разосланном всем губернаторам: «...Государю Императору благоугодно было повелеть мне поручить гг. губернаторам, чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением, и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как, без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту, чуждую русскому народу, форму выражения неудовольствия на нашу почву, с целью посе-

лять смуты и производить беспорядки и волнения (курсив – авт.)). Данный циркуляр явился важным документом, фактически декларирующим отношение государства в лице царя к стачечному движению. Наиболее активные участники событий на Невской фабрике в судебном порядке были арестованы на сроки от 3 до 7 дней в соответствии с 1358 ст. Уложения о наказаниях. А после отбытия положенного срока – высланы, уже по административному предписанию. Административная высылка на долгие годы станет одним из основных методов борьбы с рабочими.

В 1886 г. рабочий вопрос поднимается на заседании Госсювета, в ходе которого отмечается его государственная и политическая значимость. Тогда Департамент полиции подготовил для Госсювета «Записку по фабричному вопросу». В нашем контексте важно следующее утверждение Записки:

«Личный наем для работ на фабрики и заводы, хотя и входит всецело в область гражданских отношений, тем не менее, по значимости интересов государственных, с ним связанных, представляется важным предметом политического благоустройства и, в силу его значения для общественного порядка, не может не входить в область особого попечения и надзора правительства. Задача власти в сем случае не исчерпывается только признанием существующего договорного отношения и предоставлением сторонам, оное заключившим, обыкновенных способов судебной защиты, но должна идти далее и, охраняя прочность договора, уравновесить, по возможности, как выгоды, извлекаемые сторонами из сего соглашения, так ровно и те ограничения личностных прав и даже удобств, которыми стороны, вступая в договор, должны добровольно подчиняться, в видах целей общественного спокойствия, порядка и благосостояния».

Тогда же по инициативе министра внутренних дел Д. А. Толстого была сформирована законотворческая комиссия под руководством В. К. Плеве, работа которой была направлена на урегулирование взаимоотношений между фабрикантами и наемными рабочими. Члены комиссии как будто бы понимали, что социально-правовая незащищенность рабочего является угрозой общественному порядку и спокойствию: «... право жалобы в суд для рабочих почти не доступно (отчасти вследствие отсутствия формальных доказательств их прав, отчасти вследствие сложности процессуальных правил)». Но какой же вывод они делают? Т. к. недовольный рабочий несет в себе потенциальную угрозу обществу, заключение договора между работодателем и рабочим хотя и относится к области гражданских отношений, но «по значительности интересов государственных, с ним связанных, представляется важным предметом полицейского благоустройства». Фиксируется мысль о том, что сфера фабрично-заводской жизни имеет особый статус и неизбежно входит в круг особого попечения и надзора Министерства внутренних дел. Из чего вытекало следующее принципиально важное утверждение – фабричная инспекция не в состоянии решить поставленные перед ней задачи без содействия со стороны органов местной полиции. Идея о том, что рабочий вопрос имеет статус политического, к этому моменту уже полностью оформилась на государственном уровне.

Еще один важный этап на пути к «полицейскому социализму» – секретный циркуляр петербургского градоначальника полицмейстерам, приставам и начальникам сыскной полиции от 7 июня 1897 г. Он дал «зеленый свет» действиям полиции в обход фабричной инспекции. Циркуляр утверждал тщательный надзор за рабочими со стороны администрации с помощью таких полицейских средств как: сбор информации через сторожей, лавочников и т. д., подробное ознакомление околоточными надзирателями с личной жизнью рабочих, их семьями, переписка всех рабочих по месту жительства и т. п. Требовал «подчинить особенно внимательному наблюдению более развитых умственно рабочих и молодежь, самым тщательным образом собирая сведения о возможных родственных их отношениях или близком их знакомстве и связях с интеллигенцией»; проводить тщательную проверку для «установления неблагонадежных в среде их лиц, для подчинения таковых особенно строгому и внимательному надзору и для принятия по отношению к некоторым из них, наиболее выделяющимся по своей неблагона-

дежности, должных мер». Циркуляр был одобрен МВД и явился образцом для департамента полиции.

Российские жандармы. Ярославль. Фотография

Ключевым актом для оформления «полицейского социализма» послужил циркуляр министерства внутренних дел от 12 августа 1897 г. «О борьбе со сходками и стачками», второй пункт которого предписывал полиции «установить самое строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами расселения рабочих и своевременно доносить о проявлении тревожного настроения в рабочей среде, выясняя причины волнений и устраняя, по возможности, поводы к неудовольствию в тех случаях, когда рабочие имеют основание жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации».

В этом же циркуляре указывается и на опасность, исходящую со стороны «интеллигентов», членов «преступных сообществ», использующих для агитации рабочих «поводы к неудовольствию». Как решение проблемы предлагается модель, совмещающая в себе попечение (что ясно из приведенного п. 2) и надзор (подавление любого проявления недовольства, арест, высылка на родину либо в «отдаленные губернии»).

На почве данного циркуляра возникают серьезные трения и противоречия между Минфином и МВД.

Экономика или политика?

1898 г. стал поворотным в становлении «полицейского социализма». Во-первых, в начале года стачечная волна охватила крупнейшие московские производства: фабрику Гюбнера, Трехгорку, завод Листа. К весне ситуация лишь ухудшилась. Во-вторых. В этом году происходит ярко выраженное столкновение между МВД и Минфином на почве разграничений полномочий по рабочему вопросу. Санкционированное циркуляром 1897 г. активное вмешательство полиции в фабричную жизнь вызывает недовольство финансового ведомства, в ведении которого находилась призванная заниматься этим инспекция.

12 марта 1898 г. министр финансов Витте пишет министру внутренних дел И. Л. Горемыкину гневное письмо, озаглавленное «О циркуляре гг губернаторам, изданном 12 августа за № 7587 без предварительного соглашения с Министерством финансов»:

«В настоящее время до меня дошло, что в некоторых местностях этот циркуляр понимается в том смысле, что полиции присваиваются те же права и обязанности, которые по закону ст. 5 Уст о пром. изд. 1893 г. п. д ст. 2 Наказа чинам фабричной инспекции, возложен всецело на фабричных инспекторов.

Для правильного разрешения вопросов взаимоотношений фабрикантов и рабочих наиболее существенное значение должно быть присвоено точному разграничению сфер деятельности различных органов правительственной власти, соприкасающихся в указанной выше области, и принимая во внимание, что непосредственное заведывание делами фабрично-заводской промышленности и ближайшее руководство действиями фабричных инспекторов принадлежит Министерству финансов».

МВД, в свою очередь, предпринимает попытки перетянуть фабричную инспекцию в свое ведомство. Первая такая попытка была предпринята в 1886 г. в ходе работы уже упомянутой выше комиссии. Основным аргументом выдвигался тот факт, что Правила, которые имеют своей целью поддержание порядка на промышленных предприятиях, касаются «таких предметов, которые относятся к кругу ведения полиции». Говорилось о том, что предлагаемый перевод инспекции возместит отсутствие «технической подготовки» у чинов полиции в деле надзора за промышленными предприятиями, а также сэкономит средства, выделяемые на увеличение штата сотрудников полиции. Несколько раз было подчеркнуто, что Инспекция «хотя и состоит в ведомстве Министерства финансов, но исполняет чисто полицейские обязанности...». Кроме того, подчинение центральным ведомствам виделось МВД более целесообразным, нежели подчинение губернскому начальству.

В результате предложение МВД было отвергнуто. В соответствии с утвержденными Правилами, надзор за фабрично-заводскими предприятиями должен был осуществляться местным губернским начальством при содействии вновь учреждаемых губернских по фабричным делам присутствий, а также чинов фабричной инспекции и полиции. Важно отметить, что губернским присутствиям давалось право издания обязательных постановлений, конкретизирующих и дополняющих общее законодательство. Таким образом, несмотря на нереализованную инициативу МВД, именно с этого момента деятельность фабричной инспекции начинает приобретать ярко выраженный полицейский характер.

С момента учреждения фабричной инспекции (1881 г.) не прекращался межведомственный спор о разграничении полномочий между чинами полиции и фабричными инспекторами. Это очевидный симптом патологии, проявляющий неспособность государственных органов решать поставленные задачи, свидетельство беспомощности и структурно-функциональной несостоятельности. В такой ситуации значение приобретает инициатива на местах.

Инициатива на местах

В марте 1898 г. появляется, собственно, первый документ «полицейского социализма» — докладная записка помощника шефа жандармов генерал-майора А. И. Пантелеева, написанная по результатам служебной поездки по нескольким губерниям, входящим в центральный промышленный регион. Записки Пантелеева и Зубатова любопытно сравнить. Записка Пантелеева — первична. Во-первых — хронологически. Записка Пантелеева была подана в марте, а Зубатова — в апреле. Во-вторых — концептуально.

Записка Пантелеева спровоцировала бурную реакцию во властных кругах вплоть до созыва специальной Комиссии. Хотя это была рядовая ведомственная записка, которая предназначалась исключительно для внутреннего пользования. Сам Пантелеев не рассчитывал на

такие последствия, у него не было цели «прославиться»: «Составляя эту записку, я имел в виду довести обо всем изложенном в ней лишь до личного сведения министра, вовсе не предполагая, что она не только подвергнется оглашению, но и вызовет обсуждение в высших государственных сферах». Так почему же ей было уделено столько внимания?

Дело в том, что Пантелеев не ограничивается перечислением фактов, а предлагает программу действий для предупреждения массовых волнений на заводах и фабриках. Основной посыл заключался в двух тезисах:

- опасность революционных идей очевидна;
- причина их распространения в *реально* (*курсив – авт.*) существующей несправедливости.

«В эксплуатации рабочих фабрикантами, когда последние, получая громадную прибыль, мало оплачивают рабочий труд и притом, за редким исключением, ничего не делают для улучшения быта рабочих и их семейств, кроется, главным образом, причина волнений и забастовок, повторяющихся все чаще и чаще».

Что же предлагает делать Пантелеев?

- улучшить условия труда и быта рабочих;
(Увеличение зарплаты, содержание в должном санитарном порядке фабричных корпусов, содержание в чистоте казарменных помещений, исправная работа больниц и роддомов, открытие торговых лавочек, бань, пенсионных касс и т. п.)
- повышать культурный уровень рабочих;
(Устройство фабричных школ, открытие столовых и чайных, читален и т. п.)
- безжалостное подавление любых волнений и беспорядков с помощью создания специальной фабричной полиции и жандармского пункта в каждом фабричном центре.

Итак, этот документ представляет из себя яркий пример попечительной тактики, и хронологически он является первым, формулирующим принцип «полицейского социализма».

Записка Пантелеева вызвала резко негативную реакцию со стороны Министерства финансов. В ответ на нее Витте, в частности, заявил, что, «идя ... по пути *социалистических* доктрин, правительство наше может превратить живые промышленные заведения в насильственно созданные, за счет имущих классов, мертвые богадельные учреждения...». Это очень любопытное умозаключение, где сразу бросаются в глаза два ключевых слова – «социалистических» и «насильственно».

За, казалось бы, справедливыми словами Витте о том, что компетенция полиции не должна распространяться на «внутреннее содержание, бытовой склад, нравственные стороны, экономические отношения», на которые влияют «глубокие и сложные факторы», и о бессмысленности попыток «привить населению любовь к просвещению или укрепить в нем нравственные чувства через посредство полиции, через воздействие ее на семью и общество» кроется другая, менее высокопарная мысль. И даже не «кроется», а со всей ясностью формулируется: «Созидательная, бытоустроительная работа, органические реформы в жизни совершаются иными способами, иными учреждениями и органами, *хотя бы они и носили некоторые черты полицейского характера* в широком значении этого слова». Витте отстаивал интересы своего ведомства и был вовсе не против «полицейского характера» как такового.

Пантелеев не имел таких влиятельных покровителей, которые были в Москве у Зубатова (Д. Ф. Трепов и вел. кн. Сергей Александрович), и сделанные им выводы нашли свое отражение лишь на бумаге. Особое Совещание под председательством Победоносцева постановило, что Записка «излагает ряд беглых и субъективных впечатлений, не во всем обоснованных на положительных данных» и что «... едва ли можно признать произвольное заключение, что фабрично-заводские рабочие находятся в столь бедственном положении, что требуется немедленное принятие чрезвычайных мер..».

В чем же заключается оригинальность идей, изложенных месяцем позже Зубатовым?

Рабочие в начале XX века. Российская империя. Фотография

Прежде всего, в оценке пролетариата как массовой силы. Зубатов признавал наличие проблем на промышленных предприятиях, но, правда, умышленно принижал их масштаб, требования рабочих называл – «мелкие нужды». Главное же зло, по его мнению, – это, конечно, политическая агитация. Она существует из-за недостаточного надзора и «политического воспитания». Здесь он противоречит сам себе. Получается, дело не только в «мелких нуждах», т. к. агитация должна чем-то подпитываться и вряд ли «мелкие нужды» могут сделать из рабочего революционера.

Признавая тот факт, что «работодатель часто не может примириться с мыслью о равноправии договаривающихся сторон», Зубатов предупреждает о политическом вреде такой ситуации. И у рабочего должна существовать возможность подать ходатайство и надеяться на его рассмотрение. *Но тут же напоминает, что «отношения между нанимателями и рабочими ... ни коим образом не могут избежать и строгого полицейского надзора».* Таким образом, мы видим, что основной принцип «полицейского социализма» сводится даже не к тому, чтобы выполнить утилитарную задачу – обезвредить влияние революционеров, а и в значительной мере к готовности принять на себя ответственность за ту или иную сферу жизни общества, к которой непосредственно полиция не должна иметь отношения. Выполнить политическую и морально-этическую миссию по урегулированию тех или иных отношений, то, что Николай I символически изобразил в виде белого платка, поданного начальнику III Отделения Бенкендорфу А. Х., в известной полуполюгендарной истории.

Но, кроме этого, необходимо «усовершенствование деятельности соответствующих органов» и устранение межведомственных противоречий. Надеясь, в данном случае, на конфликт МинФина и МВД в сфере разграничения полномочий по рабочему вопросу.

Кроме Пантелеева и Зубатова, об особой опеке над рабочими также писали: градоначальник Одессы граф П. П. Шувалов в 1899 г., несколькими годами позже, в 1901 г., обширнейший документ подготовил министр внутренних дел Д. С. Сипягин, в этом же году в докладной записке высказал свои соображения по данному вопросу шеф жандармов князь П. Д. Святополк-Мирский.

Шувалов, как и предшественники, начинает свою программу с попытки объяснить механизм воздействия революционной агитации на рабочих. Он указывает на осведомленность революционеров относительно «духовных и материальных нужд» рабочего и говорит о необходимости отнять «почву у агитатора», а не просто ликвидировать, изымая его из рабочей среды. Пожалуй, он наиболее близок в этой части своих взглядов к Зубатову. Шувалов полагал, что радикальное «удаление» агитаторов даже вредно, т. к. может спровоцировать усиление недовольства, и видел решение в удовлетворении культурных запросов – в возможности получения образования, создании доступных школ, сокращении рабочего дня для высвобождения времени на образование и т. д. Но полицейская сторона дела и тут не была оставлена без внимания. Например, книги должны быть исключительно соответствующие благонамеренным целям, те, которые могут «открыть более широкие горизонты рабочему, нежели запрещенная литература».

Основная тема отчета министра внутренних дел Сипягина за 1901 г. – острое столкновение интересов капитала и рабочего. Цель капитала – как можно больше труда за как можно более низкую плату. Опасность кроется в уверенности рабочего в том, что правительство «заодно» с фабрикантами. Сипягин, пожалуй, как никто другой подробно, буквально по пунктам расписал социал-полицейскую программу, основные пункты которой сводилось все к тому же принципу «пряника и кнута»:

- «благожелательная опека» (уравнивание рабочего времени для однотипных предприятий, для них же – фиксированный заработок, усиление уголовной ответственности фабрикантов, обеспечение доступа к обучению для детей рабочих за счет фабрик, сокращение рабочего дня, строгое следование санитарным нормам (он предполагал следить даже за состоянием частных съемных жилищ, в которых обитают рабочие) и т. п.);

- реформирование полиции с целью усиления силового преследования любого недовольства, организации арестных помещений на промышленных предприятиях.

Помощник шефа жандармов Святополк-Мирский выступил со своими предложениями в том же 1901 г. Любопытно, что в 1898 г., т. е. одновременно с Пантелеевым и Зубатовым, Святополк-Мирский, будучи губернатором Екатеринославской губернии, уже писал подобную записку, где обвинял промышленников в эксплуатации рабочих, при этом настаивал на решении вопроса с помощью казаков. Там же акцентировал внимание на вредоносном влиянии интеллигентов (инженеров) на рабочих.

В 1901 г. Святополк-Мирский повторяет эту мысль. По его мнению, удача агитаторов кроется в просвещении, результатом которого становится все более увеличивающееся число «полуинтеллигентов» из рабочей среды. Он предлагает первым делом устранить поводы для недовольства и сформировать консервативные элементы в рабочей среде за счет значительного числа мелких собственников. Позже на это будут упирать Зубатов и его единомышленник, ренегат Л. А. Тихомиров. Но главное – полицейские меры. И тут он совершенно не оригинален: подчинение фабричной инспекции губернскому начальству, недопущение никаких уступок на почве стачек, регулярное привлечение казачьих частей для усмирения бастующих, вплоть до размещения на фабриках специальных конно-полицейских команд.

Таким образом, становится ясно, что термин «полицейский социализм» вполне оправданно применим ко всем этим программам борьбы с рабочим движением. Еще раз подчеркнем, что в данном случае «социализм» не должен пониматься как учение об определенном

общественном строе и даже не должен сводиться к обозначению действий Зубатова по организации т. н. «обществ». По сути это, как пишет Лунц, «социальные» полицейские методы.

Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что именно министерство внутренних дел, в связи с выполнением своей главной задачи – охранением государственного порядка, было более озабочено решением насущных проблем рабочих, нежели финансовое ведомство. Еще в 1887 г. помощник начальника Московского губернского жандармского управления в Богородском и Дмитровском уездах ротмистр И. П. Васильев старался привлечь внимание своего начальника Н. А. Середы к фабричным проблемам, источником которых он видел ни много ни мало «паука-хозяина».

Но это не должно вводить нас в иллюзию о демократичности или какой-то социальной направленности данного ведомства. В основе «полицейского социализма» лежат, как уже отмечалось выше, попытки решить утилитарные задачи, которые капиталистическая реальность ставила перед царскими чиновниками, половину которых составляли служащие МВД и Министерства юстиции. Эти данные по динамике аппарата служат наглядным свидетельством того, в каком направлении был устремлен политический вектор. Из доклада уже упомянутого Сипягина мы узнаем, что агентов, внедренных в рабочую среду, было такое количество (от жандармских управлений, от полиции, нанятые лично хозяином за свой счет, «расторопные городовые»), что бывали случаи, когда один агент задерживал другого.

Теоретическая база

Естественно, у нас нет никаких оснований утверждать, что чины МВД изучали какие-либо тексты социально-политической или экономической направленности, имевшие хождение в то время. (В данном случае Зубатов представлял собой исключение.) Но были «идеи...», которые носятся в воздухе». И здесь, во-первых, речь идет об утопическом представлении о надклассовости монархии, а, во-вторых, о принципах устройства полицейского государства.

Зачастую идеи полицейистов кажутся схожими с либеральными. Например, понимание государства как союза людей. Но – принуждение является основой такого союза и предполагаемого блага. Как писал в 17 в. российский философ хорватского происхождения Ю. Крижанич: «...уряд кралев есть людство чинить блаженно». Он высказывал мнение, что забота власти должна распространяться даже на спасение душ своих подданных.

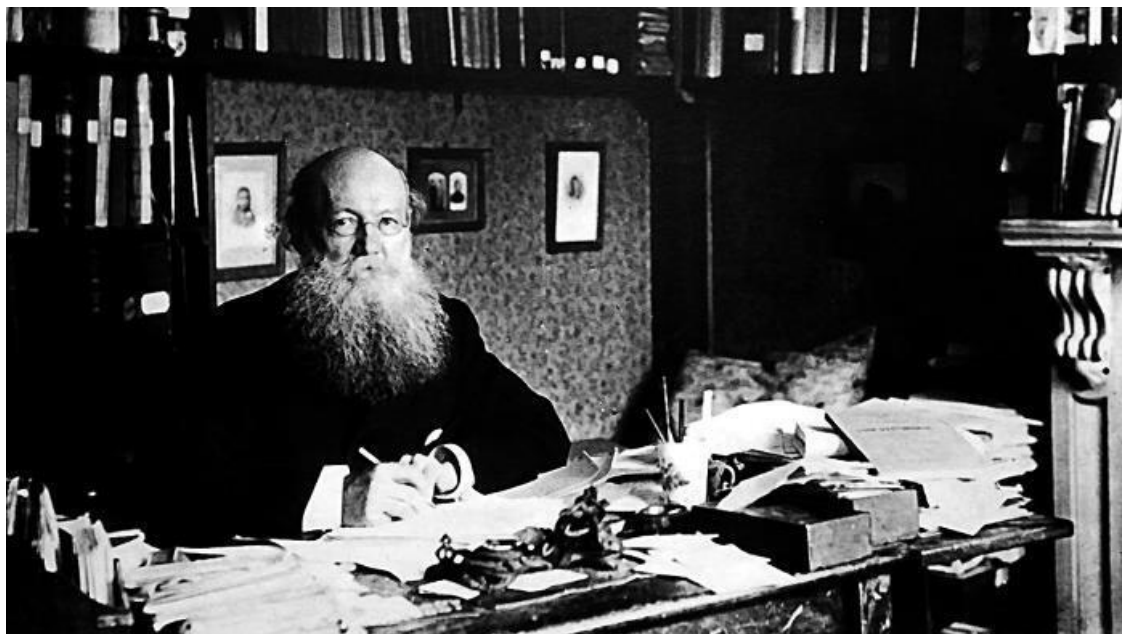
Обращаясь в данном контексте к восприятию экономических процессов, можно вспомнить дьяка посольского приказа И. Посошкова (17 в.) и его труд «О скудости и богатстве», в котором утверждалось, что «благосостояние народа» возможно при строгой внутренней регламентации экономических отношений. И мы видим, что Сипягин говорит практически о том же самом.

Но необходимо видеть большой разрыв между теорией и практикой, желаемым и властным государственным действительным. Так, если, например, теоретик права камералист Йосеф Зонненфельс, говоря о балансе экономического положения в обществе, а именно – о том, что нельзя допускать выдвижения какой-либо одной «корпорации», ставит ту же задачу – «союз людей и общих целей», т. е. единство общества, то аппарат самодержавной России образца 19 в. был вынужден, как уже говорилось, решать утилитарную задачу по сохранению самого себя. И вероятность наличия в головах царских чиновников высоких идеалов мы можем только предполагать. Ну и конечно, стоит обратить внимание на значительный временной разрыв – авторов приведенных цитат и Россию, о которой мы говорим, разделяют 100–200 лет.

В случае с Зубатовым мы также можем проследить прямое влияние идей катедер-социализма. В юности на него оказал сильное влияние публицист, редактор «Русской мысли», «рыцарь конституционной идеи» В. А. Гольцев, который так описывает их общение: «Явился ко мне г. Зубатов и произвел приятное впечатление. Он брал книги, возвращал их, получал

другие. Иногда он оставался на короткое время и высказывал печальные мысли о современном положении вещей. Я утешал его...» .

Прежде всего, речь идет о книгах Лоренца фон Штейна, родоначальника понятия «социальное государство», и катедер-социалиста Адольфа Вагнера, сторонника государственно-христианской версии социалистического учения. Оба автора отстаивали позицию взаимозависимости всех членов общества, всех его социальных страт. Из чего следовало, что насильственные методы неприменимы для развития, т. к. насилие над одним повлечет неизбежный ущерб для другого. Государство, и только оно, должно осуществлять экономический и общественный прогресс. В таком случае оно будет именоваться социальным. Вагнер писал о том, что рабочий класс должен быть полностью интегрирован в государство. Зубатов, как мы знаем, по-своему воспримет эти идеи, учитывая российскую действительность. Будущее сотрудничество начальника Московского охранного отделения с Л. А. Тихомировым, который попытался «переформатировать» эту теорию под русское самодержавие, лишний раз указывает на близость Зубатову этой концепции.

П. А. Кропоткин в своем рабочем кабинете

Говоря о духе социалистических идей, будет уместно привести слова Кропоткина из его книги «Речи бунтовщика», в которой он рассуждает в т. ч. и о популярности социалистических идей в Европе. Но не самого социализма. Кропоткин разоблачает буржуазный социализм, т. е. социализм как политический ход, а не принцип (как в свое время поступили с республиканской идеей): «Все, вплоть до носителей клобука и рясы, заняты этим» .

И здесь самое время вспомнить «государственный социализм» первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка, который говорил, что «фабрики обогащают единицы, но воспитывают массы воинствующих пролетариев из-за незащищенности их существования, что очень опасно для развития государства...» . Трудно поспорить. Но Бисмарк не заявлял, что пролетарского участия в политике быть не должно, а, наоборот, поддерживал связь с Ф. Лассалем, лидером Общего Германского Рабочего Союза. Бисмарку был симпатичен патриотизм Лассалья, Лассаль же пытался внедрить ему в голову мысль о всеобщем избирательном праве и социальном партнерстве, поддержке государством ассоциаций рабочих. Вообще Бисмарк тоже не первый на этом пути. Наполеон III, изучил программу социалистов с целью воспользоваться наиболее привлекательными лозунгами. Советник Бисмарка Г. Вагнер на этой волне выступает

за свободу стачек и материальное решение с помощью государства целого ряда социальных вопросов.

Естественно, их интерес к нуждам рабочих был прямо пропорционален включению рабочего в политику. И его прямая цель – борьба с возможностью политической борьбы за демократические перемены в стране. Но, как говорится, почувствуйте разницу. Немецкий рабочий с помощью политического инструментария влияет на власть. На этом фоне правительство действительно разворачивает широкую программу социально-политических мер. Власть просто была вынуждена балансировать.

И, если в Европе буржуазное общество откликалось таким образом на социальные вопросы, выдвинутые временем, то в России, в условиях монархическо-полицейской действительности, социалистические идеи преломлялись и приобретали такой извращенный вид и смысл.

«Зубатовщина»

Тогда, в 1898 г., в записке Зубатова речь еще не шла про легализованные под крылом полиции общества. Эта идея появится позже – в 1901 году. И общества будут созданы. При этом исполнительным и руководящим учреждением обществ формально будет Совет. В этом отличие «Зубатовщины» от остальных проектов полицейско-социальных преобразований.

За основу Устава первого зубатовского «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» (1902 г.) был взят Устав «Харьковского общества ремесленных рабочих», но значительно усилена полицейская составляющая. Все свои действия Совет был обязан согласовывать с московской администрацией. Устав подготовили профессора И. Х. Озеров и В. Э. Дэн. Показательно, что старший фабричный инспектор Чижов отказался участвовать в обсуждении проекта Устава с обер-полицмейстером. Может, испугался, а может, продемонстрировал солидарность со своим финансовым ведомством.

Самое главное заключалось в том, что Общество по сути являлось приманкой, ловушкой для инакомыслия. Зубатов так и докладывал: «Мы организовали «Рабочий Союз» – из 17 чел., проведя туда всю агентуру».

Условно, зубатовский эксперимент можно разделить на три этапа.

Первый этап, «либеральный» – попытка привлечь к сотрудничеству московскую университетскую интеллигенцию. В 1900 г. Густав Лист перевел рабочих из центра Москвы на новое производство за Бутырскую заставу. Рабочие потеряли возможность посещать Пречистенские курсы. Зубатов, зная о недовольстве из агентурных сведений, предложил рабочим организовать что-то новое, но уже с «мирной и заслуженной интеллигенцией», а не с сомнительной с точки зрения благонадежности учительницей Пречистенских курсов Дмитриевой. Вот тогда-то под крылом Охранного отделения выделилась группа рабочих, согласившихся организовать т. н. «Московское общество взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом в механическом производстве». И, по наущению Зубатова, было подано прошение губернатору.

В 1901 г. Зубатов пишет С. Э. Зволянскому, директору Департамента полиции: «Вчерашний день оказался чрезвычайным: в отделение заявился профессор И. Х. Озеров. Шаг исключительный. В прежнее время профессора нас посещали не иначе, как под конвоем. Приходил за тем, чтоб получить направление для деятельности профессуры в рабочем деле...». И далее: «Во всяком случае, совместная просветительная работа охранки и профессуры – зрелище любопытное».

Весной 1901 г. начались просветительские чтения в Историческом музее. Озеров изначально отнесся к проекту с недоверием – его в равной степени пугали и рабочие, и полиция. В результате, профессура все-таки отошла от дел с зубатовцами из-за неприятных слухов, нужно было исправлять подпорченную связями с полицией репутацию. В 1902 г. Озеров даже пуб-

лично объявил в газете «Курьер» об отказе быть почетным членом «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» .

Второй этап – «консервативный», с новыми участниками «проекта» – епископом Можайским Парфением, председателем московского цензурного комитета В. В. Назаревским и бывшим народовольцем, монархистом Л. А. Тихомировым. Не будет преувеличением сказать, что последний выступал в роли идеолога зубатовского предприятия. Опубликованные в 1902 г. в «Московских ведомостях» и в ряде других газет статьи, написанные Тихомировым, представляют из себя, выражаясь современным языком, «медийную поддержку» проводимой Московским охранным отделением политики. А лозунг «Единство царя и народа под сенью церкви православной» вытекал из идеи сделать символом легального рабочего движения Александра II – царя-Освободителя.

19 февраля 1902 года в Кремле прошла верноподданническая манифестация рабочих, организованная зубатовцами. Митинг прошел с большим успехом – благочинно, без малейших эксцессов, все опасные элементы (несогласные рабочие, студенты и немногочисленные московские социал-демократы) были накануне ликвидированы.

«Среди мрачного тумана, обволакивающего ум и чувство столь обширных слоев нашего так называемого интеллигентного общества, ярким лучом света прорезывается все, в чем слышится голос русского народного чувства. Чистое и свежее, полное любви к вековым идеалам, на которых выросла и держится Русь, народное сердце бьется чистым и свежим энтузиазмом каждый раз, когда заговорит свободно, вне мрачных и желчных «интеллигентных» влияний», – такими, буквально поэтическими образами рисует Тихомиров в «Московских ведомостях» картину происходящего . Союз царя и народа противостоит, по мнению автора, «европейской политической деморализации», не требует критического анализа и должен восприниматься как данность.

Конечно, вера в «доброту царя» всегда присутствовала в нашем народе, но сфокусировать ее и использовать как политический прием, технологию, заставить поверить, что к царю можно обратиться и получить результат – это попытался осуществить именно Зубатов.

Обер-полицмейстер Трепов отчитался перед Департаментом: «Патриотическая манифестация рабочих в числе 60 тыс. прошла блистательно и в удивительном порядке» . И так и было. Но, не смотря на это, «сверху» начали поступать первые сигналы о недовольстве зубатовскими экспериментами. Власти панически боялись любого скопления народа. Кроме того, день 19 февраля не являлся государственным праздником, и вообще напоминание об эпохе реформ Александра II было нежелательным на официальном уровне. Сразу же после манифестации министром внутренних дел Сипягиным был издан циркуляр, предписывающий СМИ не делать специальный акцент на прошедшем мероприятии: «В Москве 19 февраля в Кремле происходило у памятника Императора Александра II торжественное молитвословие, на коем присутствовали рабочие некоторых московских фабрик. Этому совершенно местному торжеству, обусловленному именно тем, что в московском Кремле сооружен памятник почившему монарху, некоторые органы печати стараются придать характер знаменательного события, имеющего очень реальную общественную ценность, служащего выражением пробуждающегося общественного сознания в трудящихся массах и как бы указывающего на официальное признание существования у нас класса рабочих. Такое объяснение упомянутого события, представляясь по существу неверным и крайне тенденциозным, отнюдь не должно быть допускаемо в подцензурной печати. Не следует делать обобщения этого отдельного факта и сообщения ему характера всероссийского события» . Стабильно регулярно выражало недовольство действиями московской полиции министерство финансов.

«Третий период» – «петербургский». Неудавшееся сотрудничество с попом Георгием Гапоном.

Зубатов о Гапоне говорил так: «Из бесед я убеждался, что в политике он достаточно желторот, в рабочих делах совсем сырой человек, а о существовании литературы по профессиональному движению даже не слышал». Вообще от воспоминаний Зубатова о Гапоне остается впечатление какой-то ревности и затаенной обиды. Что же было на самом деле? В 1902 году же, в августе, Зубатова назначают на пост заведующего Особым отделом Департамента полиции. Он привозит в Петербург своих рабочих-агентов, которые, по его предположению, должны перенести московский опыт в столицу. Но в Петербурге были свои «talанты» – священник Гапон пользовался популярностью и уважением.

С. В. Зубатов – сотрудник Департамента полиции Российской империи, деятель политического сыска и полицейский администратор. С октября 1902 г. – заведующий Особым отделом петербургского Департамента полиции

В декабре 1902 г. по совету Зубатова Гапон отправился в Москву для ознакомления с московской практикой, но, вернувшись в Петербург, заявил, что единственный путь улучшения жизни рабочих – это создание действительно независимых союзов, а участие духовенства в зубатовском проекте дискредитирует церковь. И дальше занял выжидательную позицию, вплоть до отставки Зубатова.

Любопытно, что сам Зубатов не считал свой проект «полицейским социализмом»: «Собственно краеугольным камнем и особенностью «пресловутой зубатовщины» являлся моральный вопрос о доверии к рабочей массе, а не какая-либо экономическая система. Наименование ее «полицейским социализмом» лишено всякого смысла. С социализмом она боролась, защищая принципы частной собственности в экономической жизни страны, и экономической ее программой был прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических (почему-то кажущихся нашим российским капиталистам «антикапиталистическими»). Полицейские меры, как чисто внешние, опять-таки ее не занимали, ибо она искала такой почвы для решения вопроса, где бы все умиротворялось само собой, без внешнего принуждения». Похоже, Зубатов лицемерит. Как отмечает Лунц, «если бы законодатель заботился о благе рабочих, а не об ограждении правительства от рабочих, то как можно было бы примирить одновременно применение двух радикально противоположных мер – фабричного «покровительства» и репрессий!». Невозможно использовать тезис о желании улучшения быта фабрично-заводских рабочих для исторического оправдания «зубатовщины» и ее подобию. Методы, предлагаемые ими, не перестают от этого быть полицейскими. И здесь уже не столь принципиально, будет это организация библиотеки и параллельно отрядов фабричной полиции или Совета рабочих, подконтрольного охранному отделению и обер-полицмейстеру.

Конец «полицейского социализма» – начало революции

Официальной причиной отставки Зубатова была вышедшая из-под контроля демонстрация рабочих, организованная «Еврейской независимой рабочей партией» в Одессе летом 1903 года. Демонстрация переросла в масштабную стачку с политическими требованиями, которая перекинулась на другие южные города.

Но Плеве и не думал сворачивать общества, из-за которых Зубатов был, якобы, отправлен в отставку. Несмотря на обострение отношений с московскими промышленниками, несмотря на беспорядки в Одессе, которые, казалось бы, демонстрировали, как минимум, сомнительность предприятия. Наоборот, продолжилась активная работа в этом направлении. Как уже упоминалось, в 1903 г. Плеве пригласил к себе Погожева, чтобы в приватной беседе выяснить, как обстоят дела с рабочим вопросом. Он тогда гордо заявил: «... ни при одном министре не допускалось такого широкого обсуждения рабочего вопроса в печати, как при мне». Очевидно, Вячеслав Константинович видел себя «реформатором» и «благодетелем». Он поручил Погожеву должность старшего редактора Центрального статистического комитета с правом доклада. Все это говорит о том, что «полицейский социализм» (надзор и опека) продолжал быть тактикой министра внутренних дел, а значит, и государственной. При этом сама «зубатовщина» казалась министру просчетом конкретно Зубатова: «...преждевременно было вызывать такое движение среди русских рабочих...». Плеве решил, что он сам будет контролировать процесс.

В феврале 1904 г. МВД без согласования с Министерством финансов утвердило «Устав собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», в апреле состоялось тор-

жественное открытие Собрании. Плеве продолжил предпринимать попытки перетянуть фабричную инспекцию под свое крыло. «В круг задач инспекции промышленного труда, должны входить обязанности полиции благосостояния, а также полиции безопасности». Основная причина заключалась в том, что сил одной полиции уже ни на что не хватало и предполагалось, что фабричный инспектор должен будет выполнять ее функции. Между тем, революционная обстановка накалялась. Сам Плеве был убит в летом 1904 г.

Неправильно было бы полагать, что именно деятельность Зубатова или «полицейский социализм» в целом привели к революции. Попытка удержать живое движение между призором за соблюдением санитарных норм и «сомкнутым конным строем» изначально была обречена на провал. Закон о старостах, подготовленный Витте и принятый в 1903 г., попытался, как обычно, вместить в себя выборные начала (в самом минимальном и урезанном формате) и полицейские принципы контроля. Это был, пожалуй, последний принятый документ, предшествовавший 1905 г. Но и он, как и все, что делалось ранее, не мог остановить волну нараставшего гражданского самосознания и стремления брать на себя ответственность уже не только за себя или товарищей, но и за государство в целом.

Драматические события 1905 года, к которым царское правительство оказалось совершенно не готово, позволяют нам предположить, что главным оппонентом «полицейского социализма» являлся сам человек и его интересы. Почва для освободительного движения готовилась внутри самого общества, и проконтролировать этот процесс государство было не в состоянии. По сути дела, попытка такого контроля была утопией. Для того чтобы она работала, у индивида должны отсутствовать потребности, запросы, интересы – субъектность.

Существует мнение, что зубатовские и гапоновские общества – это такие прото-профессиональные организации. Но разве могут быть организации, начисто лишённые самостоятельности, инициативности, независимости? А независимость – это всегда и прежде всего политика. В истории с Гапоном и петицией главное – это реакция государства (а не вопросы – являлся ли Гапон провокатором или были ли пункты петиции слишком или не слишком радикальны). Важно то, что пролилась кровь невинных, безоружных людей по вине монархическо-полицейского государства.

Рабочие же «прозрели» не одновременно 9 января 1905 г. Медленно, но верно шли они в революцию. Профессор Озеров вспоминал решительные слова явившихся к нему от Зубатова в 1901 г. рабочих. Озеров тогда скептически отнесся к проекту Общества рабочих механического производства Москвы и Московской губернии, сказав депутации: «Попробуйте. Ну, а если ничего не выйдет?». В ответ услышал: «Тогда мы будем знать, что таким путем нельзя ничего достигнуть».

Читинская республика: как это было

Полонский Илья Викторович,
российский публицист, блогер

120 лет назад было подавлено Забайкальское восстание

22 января 1906 г. прекратила свое существование знаменитая «Читинская республика». Ее кратковременная история достаточно типична для бурных лет революции 1905–1907 гг. В это время в целом ряде регионов Российской империи в результате местных восстаний Советами рабочих депутатов были провозглашены «советские республики». Одна из них возникла на востоке Сибири – в Чите и ее окрестностях.

Край каторги и ссылки, рудников и железной дороги

Активизация революционного движения именно в Восточной Сибири не была случайностью. Забайкальский край давно использовался царским правительством в качестве одного из основных мест для ссылки политических ссыльных. С 1826 г. здесь функционировали каторги для политических каторжан, одной из крупнейших среди которых была Нерчинская каторга. Именно каторжане составляли основную часть работников, трудившихся на горнорудных предприятиях Забайкальского края. В далеком Забайкалье побывали на каторге революционеры Петр Алексеев и Николай Ишутин, Михаил Михайлов и Ипполит Мышкин. Но, пожалуй, наиболее знаменитым каторжанином Забайкалья был Николай Чернышевский. Освободившиеся из каторжных тюрем политические заключенные оставались на поселении в Забайкалье. Естественно, что от революционных идей большинство из них не отказывалось, что способствовало распространению «крамольных» взглядов за пределы политической ссылки и каторги. Постепенно в орбиту агитационно-пропагандистской, а затем и практической деятельности революционного движения вовлекались все новые группы жителей Забайкалья, ранее никак не связанные с революционными организациями. Так происходила стремительная радикализация населения Восточной Сибири, особенно – местной молодежи, которая находилась под впечатлением рассказов о революционных подвигах старших товарищей – каторжан и ссыльнопоселенцев.

Пожалуй, наиболее подверженными революционной пропаганде категориями восточно-сибирского населения в рассматриваемый период были рабочие горнорудной промышленности и железнодорожники. Первые работали в очень тяжелых условиях, с продолжительностью рабочего дня в 14–16 часов. При этом их заработок оставался невысоким, что еще больше злило работников. Вторая группа потенциально восприимчивых к революционным идеям работников была представлена железнодорожниками. Многие железнодорожники прибыли в Восточную Сибирь и конкретно в Забайкалье во время строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали. Среди вновь прибывших значительную часть составляли железнодорожники из центральных и западных губерний Российской империи, которые уже имели опыт участия в рабочем и революционном движении и принесли его в Восточную Сибирь. Росла и численность рабочих и служащих, задействованных в обслуживании Забайкальской железной дороги. Так, уже в 1900 г. на ней работало более 9 тысяч человек. Естественно, что в начале XX в., в столь многочисленной пролетарской среде, не могли не получить распространения революционные идеи, тем более, что над радикализацией забайкальских железнодорожников усердно работали политические ссыльные – социал-демократы и социалисты-революционеры. В 1898 г. в Чите был создан первый социал-демократический кружок. Его организовали Г. И. Крамольников и М. И. Губельман, более известный под псевдонимом «Емельян Яро-

славский» (на фото). Большинство членов кружка были работниками Главных железнодорожных мастерских, однако в кружок вступали и люди других занятий, прежде всего – учащиеся местной учительской семинарии и гимназисты. Основатель кружка Емельян Ярославский, которого на самом деле звали Миней Исаакович Губельман (1878–1943), был потомственным революционером – он родился в семье ссыльнопоселенцев в Чите и в социалистическом движении стал принимать участие с юности. К моменту основания в Чите социал-демократического кружка Губельману было всего двадцать лет, примерно в том же возрасте находилось и большинство других членов кружка.

Социал-демократы в Чите

В самом начале XX века начала свою деятельность в Забайкалье и Российская социал-демократическая рабочая партия. Ее Читинский комитет был создан в апреле 1902 г., а в мае того же года прошла первая маёвка на Титовской сопке. Чтобы обеспечить участие рабочих в маёвке, среди железнодорожников стали заранее распространять листовки с приглашениями на празднование 1 Мая. Естественно, что о планах РСДРП узнали и читинские власти. Губернатор приказал подготовить две сотни казаков для разгона вероятных массовых беспорядков. Также приготовили две роты пехотинцев – на тот случай, если придется открывать огонь по демонстрантам. Войскам был отдан приказ действовать решительно и беспощадно. Однако, никаких беспорядков не произошло и рабочие провели маёвку мирно, чем весьма удивили городские власти. Относительно мирными выдались для рабочего и революционного движения Забайкалья 1903–1904 гг. Весной 1903 г. был создан Союз рабочих Забайкалья, также была проведена забастовка железнодорожных рабочих и служащих. После начала Русско-японской войны забайкальскими социал-демократами проводилась антивоенная пропаганда, тем более актуальная в конкретных условиях Забайкалья, превратившегося в тыл действующей армии. За первые три года существования РСДРП в Забайкалье, возникли организации социал-демократов не только в Чите, но и в Нерчинске, Сретенске, Хилке, Шилке и ряде других населенных пунктов.

Памятник казнённым участникам Первой русской революции – организаторам Читинской республики. Забайкальский край, г. Чита

Радикализация революционного движения в Забайкалье началась в 1905 г., после того, как до Восточной Сибири дошли известия о разгоне в Санкт-Петербурге мирной демонстрации, направлявшейся к Зимнему дворцу. Расстрел из огнестрельного оружия мирной демонстрации рабочих, многие из которых пришли с женами и детьми, оказал шоковое впечатление на российское общество и стал одной из непосредственных причин восстаний, с которых началась Первая русская революция 1905–1907 гг. Уже 27 января 1905 г. в Чите прошел митинг оппозиционных сил, в котором участвовали рабочие Читинских главных железнодорожных мастерских и депо. Именно железнодорожники как наиболее активная и продвинутая часть рабочего класса Забайкалья, стала авангардом протестных выступлений в 1905 году. На митинге читинские железнодорожники под влиянием социал-демократов выдвинули не только экономические, но и политические требования – отмены самодержавия, созыва учредительного собрания, провозглашения России демократической республикой, прекращения войны России с Японией. 29 января 1905 г. в Чите началась политическая забастовка рабочих Читинских главных железнодорожных мастерских и депо. Весной 1905 г. последовала дальнейшая активизация рабочих протестов. 1 мая 1905 г. рабочие железнодорожных мастерских и депо объявили однодневную забастовку и провели маёвку за городом. В этот же день на шпиль памятника императору Николаю Второму неизвестными активистами был водружен красный флаг. Конечно, его тут же сняли полицейские, но сам факт подобной акции свидетельствовал о переходе читинских социал-демократов к демонстрации своей силы и влияния в городе. В дальнейшем политическая ситуация в Чите только накалялась. Так, с 21 июля по 9 августа продолжалась политическая забастовка рабочих Читинских Главных железнодорожных мастерских и депо, которая была поддержана рабочими целого ряда других населенных пунктов – Борзи, Верхнеудинска, Могзона, Оловянной, Слюдянки, Хилка.

14 октября 1905 г. читинские рабочие присоединились к Всероссийской октябрьской политической стачке, начало которой положили рабочие г. Москвы. В Чите застрельщиками стачки выступили находившиеся под влиянием социал-демократической организации железнодорожные рабочие, затем к ним присоединились рабочие и служащие типографий города, телефонной и телеграфной станций, почты, учащиеся и учителя. Местным силовым структурам справиться с нарастающим забастовочным движением не удавалось, поэтому вскоре практически вся железная дорога Забайкалья оказалась под контролем бастующих рабочих. В Чите войсковые части отказались стрелять в народ, многие солдаты присоединились к отрядам забастовщиков. Начальник Иркутского жандармского управления телеграфировал в Департамент полиции России о массовых беспорядках в Чите и необходимости отправки в регион надежных войсковых подразделений, которые бы не стали переходить на сторону восставших, а действовали бы против забастовщиков решительно и жестко. Тем временем, 15 октября 1905 года читинские социал-демократы попытались захватить оружие, во время перестрелки погиб рабочий А. Кисельников. Его похороны социал-демократическая организация использовала для проведения трехтысячной рабочей демонстрации.

Начало восстания

Рабочие протесты неизбежно отразились на общей политической обстановке в Забайкалье, в том числе и на настроениях той части населения, которая прежде не проявляла активного участия в деятельности революционного движения. В 112 забайкальских селах произошли массовые демонстрации крестьян, на митинги стали собираться даже солдаты, которые пытались выработать общие с рабочими требования. Однако, главную роль в массовых протестах по-прежнему играли железнодорожники – как наиболее активная и организованная сила в общей массе забайкальского пролетариата. Несмотря на то, что 17 октября 1905 г. император Николай Второй издал Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка, в соответствии с которым вводились свобода совести, свобода слова, свобода собраний и свобода союзов, революционные волнения во всей стране продолжались. Не стал исключением и Забайкальский край. Здесь появляются представительства основных политических партий страны, а местные революционные организации получили мощное подкрепление в лице освободившихся с каторги и ссылки бывших политических заключенных.

После возвращения профессиональных революционеров Читинский комитет РСДРП заработал еще более активно, чем до октября 1905 г. В ноябре в Чите был проведен съезд социал-демократов, избран областной комитет Российской социал-демократической рабочей партии, в состав которого вошли известные в регионе революционеры – А. А. Костюшко-Валюжанич, Н. Н. Кудрин, В. К. Курнатовский, М. В. Лурье. На Забайкальской железной дороге был создан Комитет под руководством Я. М. Ляховского. 16 ноября Читинские Главные железнодорожные мастерские принимали необычных гостей – солдат и казаков, распропагандированных социал-демократами и принявших участие в революционном собрании. Следствием революционной пропаганды среди воинских частей, дислоцированных в Чите и окрестностях, стал переход практически всего городского военного гарнизона (а это – около пяти тысяч солдат и казаков) на сторону революции. 22 ноября 1905 г. в Чите был создан Совет солдатских и казачьих депутатов, в который вошли распропагандированные представители воинских частей гарнизона. При Совете была сформирована вооруженная рабочая дружина, насчитывавшая 4 тысячи человек. Во главе Совета и дружины встал известный в Чите революционер Антон Антонович Костюшко-Валюжанич (1876–1906). Несмотря на свои молодые годы (а Антону Костюшко-Валюжаничу не было на момент начала восстания и тридцати лет), он был уже известным революционером. В отличие от многих своих единомышленников, Антон Костюшко-Валюжанич получил фундаментальное военное и техническое образование – он

окончил Псковский кадетский корпус, затем – Павловское военное училище и Екатеринославское высшее горное училище. Казалось бы, перед молодым человеком открывались широкие горизонты военной или гражданской инженерной карьеры. Но он предпочел сложный и тернистый путь революционера, который в конечном итоге и привел к безвременной смерти. В 1900 г. 24-летний Костюшко-Валюжанич вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии, стал членом Екатеринославского комитета РСДРП. Однако за свою революционную деятельность молодой человек уже в 1901 г. был арестован и в феврале 1903 г. выслан в Сибирь сроком на пять лет. Царские власти надеялись, что за это время Костюшко-Валюжанич одумается и отойдет от революционного движения, но получилось наоборот – он не только не разочаровался в революционных идеалах, но и начал вести активную работу по укреплению социал-демократической организации в Чите. В 1904 г. Костюшко-Валюжанич руководил вооруженным выступлением политических ссыльных в Якутске, после чего был приговорен к двенадцати годам каторги. С каторги молодой человек бежал. В октябре 1905 г. он нелегально пробрался в Читу, где как опытный революционер был сразу включен в состав Читинского комитета РСДРП. Именно Костюшко-Валюжаничу, учитывая его военное образование, доверили руководить революционной пропагандой в армейских и казачьих частях. Заодно он возглавил и работу по созданию рабочих дружин Читы, возглавил Совет боевых дружин города.

22 ноября 1905 г. рабочие Читы явочным порядком ввели на предприятиях города восьмичасовой рабочий день. 24 ноября 1905 г. в городе состоялась пятитысячная демонстрация рабочих, потребовавших немедленного освобождения из местной тюрьмы арестованных политических заключенных – двух казаков и социал-демократа Д. И. Кривоносенко. Властям области не оставалось иного выхода, как во избежание массовых волнений пойти на удовлетворение требований демонстрантов и освободить политических заключенных. Фактически власть в регионе оказалась в руках восставших рабочих, хотя и губернатор И. В. Холщевников оставался на своем посту. На помощь местным властям из Маньчжурии были переброшены воинские части 2-го Читинского пехотного полка и штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии, но их прибытие в город не оказало существенного влияния на политическую ситуацию в Чите. Восставшие рабочие поставили своей целью захват военных складов города, на которых хранилось большое количество стрелкового оружия и боеприпасов, предназначенных для вооружения действующей в Маньчжурии российской армии. Для руководства готовящимся вооруженным восстанием из Иркутска в Читу был командирован известный профессиональный революционер Иван Васильевич Бабушкин (1873–1906). Ветеран российского социал-демократического движения, Иван Бабушкин очень ценился в партии как один из немногих рабочих, стоявших у истоков создания РСДРП. Свое участие в революционном движении Иван Бабушкин – крестьянский сын из села Леденгское Тотемского уезда Вологодской губернии, – начал еще в 1894 г. Именно тогда 21-летний слесарь паровозо-механической мастерской начал участвовать в деятельности марксистского кружка, возглавляемого Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным, который, кстати, был старше Бабушкина всего на три года. За десять лет революционной деятельности Бабушкин неоднократно арестовывался, а в 1903 г. был сослан в Верхоянск (Якутия). После амнистии в 1905 г. он приехал в Иркутск, откуда и был направлен руководством РСДРП в Читу – для координации вооруженного восстания в этом городе.

От захвата оружия к захвату телеграфа

5 и 12 декабря 1905 г. группы вооруженных рабочих, общее руководство которыми осуществлял Антон Костюшко-Валюжанич, провели операции по захвату оружия на армейских складах и в складских вагонах 3-го резервного железнодорожного батальона. Рабочим удалось захватить полторы тысячи винтовок и боеприпасы к ним, что позволило восставшим чувствовать себя значительно увереннее. 7 декабря 1905 г. началось издание газеты «Забайкальский

рабочий», официально считавшейся органом Читинского комитета РСДРП. Газета выходила общим тиражом в 8–10 тысяч экземпляров, а редактировал ее Виктор Константинович Курнатовский (1868–1912) – бывший народоволец, в 1898 г. в Минусинске познакомившийся с В. И. Лениным и подписавший «Протест российских социал-демократов». За революционную деятельность Курнатовский еще в 1903 г. был выслан в Сибирь. Он поселился в Якутске, где принял участие в попытке организации вооруженного восстания политических ссыльных – так называемом «восстании романовцев».

Броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции... (В. И. Ленин). Плакат.

Худ. В. Б. Корецкий и Е. В. Абезгус. 1965 г.

18 февраля 1904 г. 56 политических ссыльных захватили в Якутске жилой дом, который принадлежал некоему якуту по фамилии Романов – отсюда и название восстания – «восстание романовцев». Восставшие были вооружены 25 револьверами, 2 берданками и 10 охотничьими ружьями. Они подняли красный флаг и выдвинули требования по смягчению надзора за ссыльными. Дом был окружен отрядом солдат и после продолжительной осады 7 марта «романовцы» были вынуждены сдаться. Всех их отдали под суд и заменили ссылку каторгой. В числе каторжан оказался и Курнатовский, которого отправили в Акатуйскую каторжную тюрьму. После издания манифеста 17 октября Курнатовский, в числе многих других политических заключенных, был освобожден. Он приехал в Читу, где принял участие в организации вооруженного восстания читинских рабочих. Как и Костюшко-Валюжанич, Курнатовский вошел в число руководителей местного Совета солдатских и казачьих депутатов, а кроме того – возглавил газету «Забайкальский рабочий». Именно под руководством Курнатовского была проведена операция по освобождению арестованных матросов, содержавшихся в Акатуйской каторжной тюрьме. Пятнадцать матросов прежде служили на корабле «Прут». 19 июня 1905 года на «Пруте» было поднято восстание матросов, во главе которого стоял большевик Александр Михайлович Петров (1882–1905). Корабль направился в Одессу, где его экипаж намеревался объединиться с экипажем легендарного броненосца «Потемкин». Но в Одессе «Прут» не застал «Потемкина», поэтому направился, подняв красное знамя, в Севастополь. По пути его встретили два миноносца и отконвоировали на базу флота, где 42 матроса корабля были арестованы. Пятнадцать из них оказались в Акатуйской каторжной тюрьме – одной из самых страшных каторжных тюрем Российской империи.

Акатуйская тюрьма была основана в 1832 г. и располагалась в 625 км от Читы при Акатуйском руднике Нерчинского горнозаводского округа. Здесь содержались участники польских восстаний, народовольцы, участники революционных событий 1905 года. Среди наиболее известных узников Акатуя – декабрист Михаил Сергеевич Лунин, эсерка Мария Александровна Спиридонова, анархистка Фанни Каплан. Таким образом, освобождение содержавшихся в Акатуйской каторжной тюрьме пятнадцати матросов было одним из немногочисленных примеров подобных операций в истории российских тюрем начала XX века. Естественно, что оно также прибавило авторитета социал-демократам в глазах рабочего населения Читы. Параллельно с освобождением политических заключенных, продолжались и акции по захвату оружия. Так, в ночь с 21 на 22 декабря на станции Чита-1 было захвачено около двух тысяч винтовок, также поступивших на вооружение рабочих дружин города. 22 декабря 1905 г. рабочая дружина осуществила следующую крупную операцию – захват почты и телеграфа Читы. Кстати, это решение было поддержано на собрании работников почты и телеграфа города и, лишь после этого, была осуществлена операция по захвату здания конторы. Солдаты, охранявшие почтово-телеграфную контору, не оказали вооруженного сопротивления и были заменены постом вооруженных рабочих дружинников.

Таким образом, как и в ряде других регионов России, в Чите реальная политическая ситуация в конце декабря 1905 – начале января 1906 гг. оказалась под контролем революционеров. 9 января 1906 г. в Чите была проведена массовая демонстрация, посвященная годовщине трагических событий «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. В демонстрациях в Чите и ряде других населенных пунктов региона приняли участие свыше 5 тысяч человек, в основном – рабочие и учащиеся молодежь. 5 и 11 января 1906 г. вооруженная рабочая дружина предприняла новую операцию по захвату оружия – на этот раз также на станции Чита-1. В эти дни рабочим удалось захватить 36 тысяч винтовок, 200 револьверов, боеприпасы и взрывчатые вещества. В распоряжении руководства Совета солдатских и казачьих депутатов оказалось оружие, достаточное для вооружения крупного пехотного соединения. Поэтому читинские революционеры приступили к снабжению оружием своих единомышленников из других населенных пунктов. 9 января 1906 г. триста винтовок отправили в Верхнеудинск – для вооружения

местной рабочей дружины. Еще три вагона было решено направить на станции Иркутск, Мысовая и Слюдянка. Для сопровождения оружия была выделена группа дружинников – работников телеграфа, которую возглавил лично Иван Бабушкин. Однако революционеры не знали о том, что для подавления вооруженного восстания в Чите уже выдвинулся карательный отряд под командованием генерала А. Н. Меллер-Закомельского. На станции Слюдянка военные задержали Ивана Бабушкина и его спутников. 18 января 1906 г. Иван Бабушкин и работники читинского телеграфа Бялых, Ермолаев, Ключников и Савин были расстреляны без суда и следствия на станции Мысовая.

Экспедиции Ренненкампфа и Меллер-Закомельского

Несмотря на то, что власть в Чите оказалась под контролем революционеров, в действительности их положение было очень шатким. Даже при наличии большого количества оружия, рабочая дружина не смогла бы противостоять полноценным армейским соединениям, выдвинувшимся для подавления восстания. К Чите были стянуты войска с двух сторон – с Запада двигалась экспедиция генерала Меллер-Закомельского, а с востока – войска под командованием генерала П. К. Ренненкампфа. В «западный» отряд входило 200 человек, но командовал ими генерал-лейтенант Александр Николаевич Меллер-Закомельский (1844–1928). За свою долгую жизнь Александру Меллер-Закомельскому пришлось не раз участвовать в подавлении восстаний и революционных выступлений. Еще 19-летним корнетом лейб-гвардии Гусарского полка он участвовал в подавлении Польского восстания 1863 года. Потом была восьмилетняя служба в Туркестане – в самые «горячие» годы 1869–1877 гг., где Меллер-Закомельский командовал 2-м линейным Туркестанским батальоном. Довелось тогда еще полковнику Меллер-Закомельскому поучаствовать в русско-турецкой войне. Ко времени начала революции 1905 г., Меллер-Закомельский в звании генерал-лейтенанта состоял в должности командира VII-го армейского корпуса. Он командовал подавлением революционных выступлений в Севастополе.

Руководитель карательной экспедиции против участников революционного движения Читы царский генерал П. К. Ренненкампф

В декабре 1905 г. генерала Меллер-Закомельского отправили во главе специального карательного отряда, набранного в гвардейских частях, для усмирения восставших рабочих на Забайкальской железной дороге. Во время карательной экспедиции пожилой генерал не отличался излишним гуманизмом – он казнил людей без суда и следствия. На счету экспедиции Меллер-Закомельского – не только убийство Ивана Бабушкина и его соратников-телеграфистов, но и расстрел 20 железнодорожных рабочих на станции Иланской.

Восточный карательный отряд выдвинулся поездом из Харбина. В его состав был включен пехотный батальон, усиленный несколькими пулеметами, а командиром отряда поставили генерал-лейтенанта Павла Карловича Ренненкампа (1854–1918). Генерал Ренненкампа начинал службу в уланских и драгунских полках российской кавалерии, уже в чине генерал-майора участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае. Ко времени описываемых событий Ренненкампа командовал 7-м Сибирским армейским корпусом. Отряду под командованием генерала Ренненкампа предстояло решить важнейшую для российской армии в Маньчжурии стратегическую задачу – восстановить железнодорожное сообщение Маньчжурии с Западной Сибирью, откуда должны были следовать составы с подкреплением, оружием и боеприпасами. Сообщение было нарушено в результате вооруженного восстания читинских железнодорожников, фактически поставивших всю Забайкальскую железную дорогу под свой контроль и препятствовавших полноценному снабжению войск в Маньчжурии. Как и Меллер-Закомельский, Ренненкампа действовал в отношении революционеров жестко и не всегда законно. 17 января 1906 г. на станции Борзя солдатами Ренненкампа без суда и следствия был расстрелян член Читинского комитета РСДРП А. И. Попов (Коновалов). Понимая всю опасность сложившейся ситуации, руководство Читинского комитета РСДРП приняло решение отправить навстречу войскам, следовавшим с запада и с востока, два подрывных отряда. Революционеры рассчитывали, что диверсанты смогут взорвать железнодорожное полотно и, тем самым, воспрепятствовать продвижению войск Ренненкампа и Меллер-Закомельского. Однако, посланным из Читы отрядам подрывников не удалось реализовать намеченный план. РСДРП и Совет рабочих дружин, учитывая особенности сложившейся ситуации, приняли решение не вступать в открытое противостояние с отрядами Ренненкампа и Меллер-Закомельского, а перейти к партизанской и диверсионной борьбе.

22 января 1906 года войска под командованием генерал-лейтенанта Ренненкампа вошли в Читу, не встретив сопротивления со стороны местных рабочих дружин. Так закончилась история Читинской республики. Ренненкампа, обладавший экстренными полномочиями, начал массовые аресты. Губернатор И. В. Холщевников, который формально находился при исполнении обязанностей и не создавший серьезных препятствий на пути революционеров, был обвинен в пособничестве восстанию. Что касается арестованных лидеров Читинской республики, то они были приговорены к смертной казни через повешение. Тем не менее, большинству революционеров повешение заменили каторгой, и лишь четверо наиболее активных руководителей восстания были приговорены вместо повешения к расстрелу: председатель Совета рабочих дружин Антон Антонович Костюшко-Валужанич, помощник начальника железнодорожной станции Чита-1 Эрнест Видович Цупсман, рабочий Главных железнодорожных мастерских Прокопий Евграфович Столяров, приказчик Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги Исай Аронович Вайнштейн. 2 (15) марта 1906 г. приговоренные к смертной казни лидеры Читинской республики были расстреляны на склоне Титовской сопки. В целом, к двадцатым числам мая 1906 года к смертной казни было приговорено 77 человек, обвиненных в участии в вооруженном восстании. Еще 15 человек были приговорены к каторжным работам, 18 человек были приговорены к тюремному заключению. Кроме того, из Главных железнодорожных мастерских и депо г. Читы были уволены и высланы с территории города более 400 рабочих, которых власти заподозрили в политической неблагонадежности. Также были арестованы почти все нижние чины 3-го резервного железнодорожного батальона, в результате восстания в котором был убит подпоручик Ивашенко – один из офицеров батальона, а оружие передано революционным дружинам. О подавлении восстания генерал-лейтенант Ренненкампа телеграфировал императору Николаю Второму.

Разгром Читинской республики не привел к полному прекращению деятельности революционных организаций на территории города и его окрестностей. Так, Читинский комитет РСДРП продолжил свою деятельность на нелегальном положении и уже к 1 мая 1906 г. на

улицах Читы появились новые революционные листовки. Только в 1906 г. в Забайкалье было организовано 15 рабочих стачек и забастовок, 6 солдатских выступлений, в 53 сельских населенных пунктах произошли волнения местного крестьянского населения. Но в целом, революционное движение в регионе, после жестких действий карательной экспедиции Ренненкампа, пошло на спад. В следующем 1907 г. состоялось всего три рабочих стачки, пять выступлений крестьян и четыре солдатских выступления. Таким образом, можно сделать вывод, что революционное движение в Забайкальском крае в результате действий карательных экспедиций Ренненкампа и Меллер-Закомельского потерпело серьезное поражение и оправиться от его последствий революционные организации региона смогли лишь к Февральской и Октябрьской революциям 1917 года.

Что было после...

Генерал-лейтенант Ренненкампф впоследствии командовал 3-м Сибирским армейским корпусом и 3-м армейским корпусом (до 1913 г.). 30 октября 1906 г. революционеры попытались отомстить генералу за расправы над товарищами. Когда 52-летний генерал-лейтенант шел по улице вместе со своими помощниками – адъютантом штабс-капитаном Бергом и ординарцем поручиком Гайзлером, социалист-революционер Н. В. Коршун, сидевший на скамейке, бросил в офицеров снаряд. Но взрывом удалось лишь оглушить генерала и его помощников. Злоумышленника схватили, впоследствии он был отдан под суд.

Профессиональный революционер, большевик-«искровец», ученик и ближайший помощник В. И. Ленина Иван Васильевич Бабушкин. Фотография

В 1910 г. Ренненкампф получил звание генерала от кавалерии, а в 1913 г. был назначен командующим Виленским военным округом. В начале Первой мировой войны он занимал пост командующего 1-й армией Северо-Западного фронта. Однако после Лодзинской операции генерал Ренненкампф был снят с поста командующего армией и 6 октября 1915 года уволен в отставку «с мундиром и пенсией». Сразу же после Февральской революции Ренненкампф был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, но в октябре 1917 г., во время Октябрьской революции, большевики освободили его из тюрьмы. Под фамилией мещанина

Смоковникова он выехал в Таганрог – на родину своей жены, затем скрывался под фамилией грека Мандусакиса, но был выслежен чекистами. Ренненкампа доставили в штаб к Антонову-Овсеенко, который предложил генералу перейти на службу в РККА. Генерал отказался и в ночь на 1 апреля 1918 года был расстрелян под Таганрогом.

Генерал от инфантерии Меллер-Закомельский с 17 октября 1906 г. занимал должность временного Прибалтийского генерал-губернатора, на которой также отвечал за подавление революционного движения в Прибалтике. С 1909 г. он входил в Государственный Совет, однако в 1912 г. был объявлен не присутствующим – генерал сожительствовал с молодой любовницей и провел махинацию с имением, что скомпрометировало его и вызвало недовольство со стороны императора. В числе других членов Государственного Совета, после Февральской революции 1 мая 1917 г. генерал Меллер-Закомельский был выведен за штат, а в декабре 1917 г., согласно декрету СНК он был уволен от службы с 25.10.1917. В 1918 г. Меллер-Закомельский эмигрировал во Францию, где и скончался через десять лет в весьма преклонном возрасте.

Что касается известных читинских революционеров, то большинство из них были убиты еще во время подавления Читинской республики. Одним из немногих лидеров восстания, кто уцелел, был Виктор Константинович Курнатовский. Он, в числе прочих лидеров и активных участников восстания, был захвачен карательным отрядом Ренненкампа и в марте 1906 г. приговорен к смертной казни. Однако 2 (15) апреля 1906 года смертную казнь Курнатовскому заменили бессрочной каторгой. Но уже через месяц, 21 мая (3 июня) 1906 года, Курнатовский вместе с распропагандированным часовым, воспользовавшись помощью врача, бежал из Нерчинской городской больницы. Он сумел добраться до Владивостока и с помощью местной организации социал-демократов перебраться в Японию, откуда отбыл в Париж. Впрочем, в эмиграции жизнь Курнатовского не была долгой – спустя шесть лет, 19 сентября (2 октября) 1912 года, бывший лидер Читинской республики скончался в Париже на 45-м году жизни. Полученные на каторги болезни дали о себе знать, существенно сократив продолжительность жизни революционера.

Куда более удачно сложился жизненный путь еще одного забайкальского революционера – Николая Николаевича Баранского (1881–1963). Автору Устава профсоюзных рабочих Забайкальской железной дороги удалось остаться на свободе и в 1906 г. именно Баранский руководил восстановлением деятельности социал-демократической организации в Чите после учиненного Ренненкампом разгрома революционного движения. После Октябрьской революции Баранский преподавал в целом ряде учебных заведений, в том числе и в Высшей партийной школе. В 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, с 1946 по 1953 гг. заведовал редакцией экономической и политической географии Издательства иностранной литературы. Под редакцией и под авторством Баранского вышел целый ряд учебников по экономической географии, он считается основоположником советской районной школы, долгое время доминировавшей в отечественной экономической географии.

Память о событиях 1905–1906 гг. в Чите стремилась увековечить советская власть. В 1941 году город Мысовск в Бурятии, где убили Бабушкина и его спутников, был переименован в Бабушкин. Имя Бабушкина носят его родное село и район в Вологодской области. Именем Бабушкина были названы улицы во многих городах страны. Что касается менее известных за пределами Забайкалья лидеров Читинской республики, то память о них хранят названия улиц, памятники и мемориальные доски в самой Чите и окрестных городах. Так, на месте казни участников вооруженного восстания у подножия Титовской сопки в 1926 году был установлен памятник расстрелянным революционерам А. А. Костюшко-Валюжаничу, Э. В. Цупсману, П. Е. Столярову, И. А. Вайнштейну. Ряд улиц в Чите был назван именами лидеров Читинской республики – Костюшко-Валюжанича, Столярова, Курнатовского, Бабушкина, Баранского, Вайнштейна, Цупсмана. В городе Борзе улица носит имя социал-демократа А. И. Попова

(Коновалова). Краевой краеведческий музей Забайкалья носит имя А. К. Кузнецова. Виктору Курнатовскому, чье имя носит улица в Чите, лучшим памятником является основанная им газета «Забайкальский рабочий». Это печатное издание издается уже 110 лет – с того самого времени, как оно стало фактически официальным органом Читинской республики. В настоящее время «Забайкальский рабочий» представляет собой ежедневную социально-политическую газету.

История политического авантюризма

Гапон. Из священника – в анархо-синдикалисты

Костенко Дмитрий Геннадьевич
историк, публицист

...Если задаться я вопросом: «Кто является самым знаменитым, а заодно и самым успешным в российской истории анархо-синдикалистом»? то затоки периода русской революции назовут имена Владимира Максимова, Якова Новомирского, Юстина Жука или Алексея Гастева, а специалисты по новейшей истории России вспомнят, что нынешний заместитель руководителя фракции «единороссов» в Государственной Думе Андрей Исаев начинал как анархо-синдикалист.

Но фаворит, опережающий всех с громадным отрывом, определится сразу, едва мне стоит назвать его имя. Это Георгий Аполлонович Гапон.

Конечно, начинал преп. о. Георгий не как идейный анархо-синдикалист, а как легальный тред-юнионист. Не революционер, вожак легального дозволенного полицией, но не желтого «зубатовского» профсоюза – «Собрания фабрично-заводских рабочих». К властям лояльного, но не боявшегося вступить в конфликт с хозяевами, защищая своих членов. Из-за одного такого конфликта – увольнения четверых рабочих на крупнейшем в Питере Путиловском заводе – началась стачка. Филиалы Собрания на других заводах поддержали товарищей и выдвинули свои требования. Вскоре забастовкой были охвачены все предприятия столицы – в городе бастовало 150 тысяч человек. Как пелось в песне тех лет: «Весь Петербург забастовался». Везде выдвигали свои требования, и в итоге родилась совместная петиция к царю. В ней ничего синдикалистского не было: охрана труда, страхование рабочих на случай увечья, 8-часовой рабочий день и до кучи – либеральные требования: созыв выборного законодательного органа.

В советской мифологии 9 января представляется так: Гапон послал рабочих под пули, а сам где-то прятался. Нет, он был в первых рядах, рядом с ним убило его личного телохранителя молотобойца Филиппова и секретаря Собрания фабрично-заводских рабочих Ивана Васильева. В общем, Гапон буквально выбрался из-под завала трупов.

А потом было бегство за границу. В марте суд консистории лишил его духовного сана: с тех пор он уже не отец Георгий, а Георгий Аполлонович. И бывший служитель культа подался в Мекку тогдашних политэмигрантов – Женеву. Современными иностранными языками «отец Георгий» не владел, поэтому несколько дней ночевал на улице. Потом в русской столовой он узнал адрес Плеханова. Меньшевики заперли его в доме своего вождя, не давали встречаться с представителями других партий и заставляли читать зубодробительно скучные тома по политэкономии. Остальным объявили, что теперь рабочий вождь – член их партии.

Потом за ним приехал будущий палач, а на тот момент спаситель – эсер Петр Рутенберг. Именно он 9 января вытащил батюшку, пребывавшего в состоянии шока, из-под завала трупов, завел в подворотню и переодел в свое пальто, чтобы прикрыть рясу. А потом спрятал и подготовил его уход за границу. Рутенберг перевез Гапона на эсеровскую квартиру, книжек читать не давал, а выдал расстриге браунинг и велел тренироваться в саду, готовя себя к великим делам. С представителями других партий эсеры общаться не мешали. И Гапон довольно тесно сошелся с Лениным, на тот момент тоже обитавшим в Женеве.

В партию эсеров Гапон вступил, но пробыл ее членом недолго – две недели. В июле он отправляется вместе с большевиком Николаем Бурениным в Лондон, где знакомится с Петром

Алексеевичем Кропоткиным. Уставший от напора партийных идеологов, бывший батюшка, уроженец восточной Украины, оказался податливым для анархистской пропаганды. Под влиянием князя-анархиста он заявляет, что намерен создать вместо «Собрания» новую организацию – «Русский рабочий союз». Программу для нее написал сам Кропоткин. Потом в качестве главы эта программа была включена в сборник программных документов русских анархистов «Хлеб и воля».

Контакт с патриархом отечественного анархизма был кратковременным, зато у Георгия Аполлоновича появился постоянный наставник в синдикалистских идеях – Владимир Александрович Поссе, и Гапон эволюционировал от социал-демократии к революционному синдикализму. Кроме того, Поссе был популяризатором потребкооперации и, в отличие от большинства тогдашних анархо-синдикалистов, противником вооруженного насилия. Он отрицал не только индивидуальный террор, но и вооруженное восстание, будучи убежден, что всех целей революции можно добиться одной лишь всеобщей стачкой. Свои взгляды, а также то, почему он считает все прочие социалистические и анархические теории сущей ерундой, Владимир Александрович изложил в своем главном труде «Теория и практика пролетарского социализма» – типичном для политических сектантов образчике унижения политических оппонентов.

В отличие от прочих политических течений, за каждым из которых стояла толпа последователей, у Поссе приспешников не было, точнее, был один – некто товарищ Михаил – типографский наборщик из черты оседлости, подлинную фамилию которого история не сохранила, писавший статьи под псевдонимом М. Белорусец. По воспоминаниям самого Поссе, выглядел он как стереотипный «шлимазл»: был неуклюж и обладал огромным шнобелем.

Поссе имел неоспоримое преимущество перед другими – готовая идеология для рабочего движения и никакой собственной тусовки, которая хотела бы подчинить самого популярного в стране рабочего лидера и его последователей воле своего Центрального комитета. Идею о том, что освобождение рабочих должно быть делом рук самих рабочих, а не каких-то интеллигентов, бывший батюшка принял всей душой. С Поссе Гапон договорился проникнуть в Россию через Финляндию и начать строить рабочую организацию в новых революционных условиях.

Для начала двое обретших друг друга единомышленников решили ехать в Стокгольм. Но творческому тандему, который мог подарить пролетарскую революцию России уже в 1905 году, суждено было распасться, и причиной тому – любовь теоретика синдикализма и его наиболее успешного практика к одной и той же женщине.

Прибалтийское имя Мильда вообще оказалось роковым для истории нашей страны. Убийство Кирова из ревности к Мильде Драуле дало старт «Большому террору». А Мильда Хомсе стала женщиной, рассорившей Георгия Гапона и Владимира Поссе. Когда Вадим Степанцов поет «Лола – королева рок-н-ролла», вроде бы, строчка «дочь латышки и монгола» – поэтическая гипербола – пример невозможного брачного союза. Однако возлюбленная Гапона и предмет страсти Владимира Поссе действительно была дочерью отстзейского немца и монголки. Вообще бульварная пресса времен Первой русской революции пыталась представить отца Георгия кутилой и сладострастником, проигрывающим деньги в казино Монте-Карло и соблазнившим воспитанницу приюта, где он служил учителем закона Божьего и волочился за юбками.

В казино на Лазурном берегу его – мировую знаменитость – репортеры засекли только раз. При всем своем авантюризме сын полтавских кулаков был не то чтобы прижимист, но деньгами направо и налево не швырялся. Гапон жил гражданским браком с бывшей воспитанницей приюта, где он прежде занимал должность учителя закона Божьего, Александрой Уздалевой. Но о. Георгий был молодым вдовцом, а жениться вторично священнику не полагалось. За женщинами он не волочился, хотя в период, когда до рабочего движения занимался благотворительностью, ему приходилось возвращаться в тогдашней великосветской тусовке. Без

сомнения, на чернявого 30-летнего красавца в рясе дамы заглядывались, но никаких сведений о скандальных романах до нас не дошло.

Г. А. Гапон (третий слева) и градоначальник Санкт-Петербурга генерал Фулон на открытии Коломенского отдела «Собрания Русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». 1904 г.

А вот с Мильдой все вышло действительно серьезно. И дело было не только в том, что Поссе ревновал к Гапону. Плотно наобщавшись с эсерами, Гапон решил устроить собственное террористическое предприятие. Он готовил Мильду к убийству тогдашнего премьера Сергея Витте, по крайней мере публично обсуждал этот проект, не смущаясь присутствия посторонних. А Владимиру Александровичу неоправданное вооруженное насилие и так претило, а тут еще на верную смерть хотели послать женщину, которую он безответно любил. Хотя в общем-то Поссе уже понял, что Гапон позер и фанфарон и скорее всего весь его терроризм – это пустое бахвальство.

Однако была и третья причина, приведшая к разрыву, – дело «Джона Графтона». В обличительных материалах про современных леваков авторы-резонеры любят ставить им в пример революционеров начала прошлого века, дескать, то были борцы-титаны, а не грантоеды и мелкие интриганы. При несомненном величии большевиков – организаторов стачек и эсеров – террористов, грант перехватить они при случае тоже были не прочь и могли склочничать и интриговать в борьбе за него ничуть не хуже нынешних левачков.

Роль фонда Розы Люксембург для тогдашней политэмиграции играло посольство воевавшей с Россией Японии в Стокгольме, а распоряжался грантами его военный атташе майор Акаси. Функцию же контактера с подпольем в Российской империи выполнял лидер финской «Партии активного сопротивления» Конни Циллиакус, известный путешественник, успевший побывать в Японии до начала Русско-японской войны. Собственно, финном Циллиакус не был, он был представителем шведского меньшинства. Как-то так получилось, что в тот период в партиях активного и пассивного сопротивления состояли в основном финские шведы, а собственно финны если и принимали участие в революционной политике, то предпочитали социал-демократию.

Главным условием получения денег было объединение всех революционных и национальных партий России под руководством единого координирующего центра. Многие революционеры с такой позицией не соглашались, особенно поляки. Лидер ППС Юзеф Пилсудский решил напрямую выйти на Генеральный штаб в Токио. Для финансирования поездки боевика ППС провела головокружительное ограбление ссудно-сберегательной кассы в Лиде (от погони уходили на моторных катерах).

Потом состоялось путешествие пароходом из Манчестера в Нью-Йорк, затем – через всю Америку по трансконтинентальной железной дороге. В Сан-Франциско багаж и награбленные деньги погрузили не на тот пароход, и чтобы его догнать, пришлось нанимать катер. И вот, пройдя все эти мытарства, приезжает Пилсудский в Токио, приходит в Генеральный штаб, а там в очереди на прием перед ним сидит его главный конкурент, лидер польской партии национал-демократов (эндеков) Роман Дмовский.

То есть, когда в 1917 году кадеты и правые социалисты вопили: «Ленин приехал в пломбированном вагоне и берет деньги у немцев», как-то быстро они позабыли, что сами дрались за японские фонды. Поскольку условием их выделения было объединение всех оппозиционных сил, в 1904 году в Париже прошла совместная конференция либералов из «Союза освобождения» (будущих кадетов) и части социалистов. А в апреле 1905-го в Женеве Циллиакус по указанию Акаси собрал только настоящих радикалов, готовых взяться за оружие: социалистов и национал-сепаратистов.

Председательствовать на конференции предложили Гапону как удобной компромиссной фигуре. Это было весьма кстати, поскольку тогда он как раз перебрался из квартиры Плеханова в дом Рутенберга. Поэтому организацию конференции взяли в свои руки эсеры и позвали с национальных окраин в основном клоны собственной партии: немарксистских социалистов – ППСовцев, дашнаков, грузинских социалистов-федералистов, либо просто тех, с кем у них были налажены хорошие отношения – вроде финских активистов. Приглашениями обошли такие влиятельные партии, как «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы», грузинских и финских социал-демократов. Украинцев не позвали вообще никаких, хотя белорусы представлены были.

Из эсдеков приглашали только тех, кого нельзя было не позвать. Меньшевики, например, приглашение получили, но не пошли по причине общей вредности характера. Они, видите ли, такие твердокаменные марксисты и догматики, что иметь дело с недомарксистами-народниками считали для себя оскорбительным. И это несмотря на резолюцию Амстердамской конференции Второго интернационала, рекомендовавшую социалистам в каждой стране объединиться в одну партию. Выполняя ее, во Франции, например, POSSИБИЛИСТЫ Жореса объ-

единились с гедистами. Меньшевики же даже с большевиками, которые еще недавно были их однопартийцами, объединяться не собирались.

Ленин на конференцию пошел, но скорее чтобы «развлечься», еще больше оттачивая и без того превосходный навык морального уничтожения политических оппонентов. Однако с самого начала вышло так, что большевики и прочие национальные социал-демократии с конференции ушли, громко хлопнув дверью. Выяснилось, что для участия в конференции с тем же уровнем представительства, как и значимая Латвийская социал-демократическая рабочая партия, зарегистрирован фейковый Латвийский социал-демократический союз, состоящий из одного отдельно взятого латыша, приятеля кого-то из видных эсеров. И это при том, что молодая латвийская социал-демократия была партией достаточно авторитетной, она почти все водочные магазины в Курляндии ограбила.

Дело в том, что определенный кодекс чести тогдашних социалистов запрещал совершать экспроприации частного бизнеса. Частников грабили только анархисты, а иногда даже не грабили, а посылали письмо с требованием денег – «мандат». Именно такое значение имело это слово до 1917 года. И было даже отдельное течение практиков анархизма – анархисты-мандатчики.

Эсеры-максималисты тоже позволяли себе больше, чем остальные. Например, признавали, что можно вместе с крестьянами грабить помещичьи усадьбы. Остальные – и народники, и марксисты – разрешали экспроприировать средства на свою деятельность только у государства. Чистоплюи-меньшевики вообще грабежи своим членам запрещали, хотя и были не против поучаствовать в вооруженном восстании.

Вот у начинающих латвийских социал-демократов силенок на ограбление госбанков было маловато, и они грабили лавки, где торговали «хлебным вином» – это же была госмонополия. А еще занимались «революционной гимнастикой» – отнимали у городских на улице револьверы и сабли-«сеledки». Благодаря этим упражнениям спустя пять лет латыши стали настолько опытными боевиками, что устроили в Лондоне в 1911 году «бойню на Сидней – стрит» – такую, что молодому министру внутренних дел Уинстону Черчиллю не удалось справиться с ними силами одной полиции и пришлось вызывать на подмогу армейские подразделения.

В числе прочих с Женевской объединительной конференции ушел Бунд, что дало повод представителю ППС, кстати, еврею по национальности, выступить на конференции со спичем в духе Паниковского: «Кто такие «евреи»? Я такой нации не знаю! Где у них территория? А потому и делиться с ними не надо!»

Формальными результатом конференции стали две мало что значащие бумажные резолюции. Когда на конференции остались только эсеры и близкие им националы, за закрытыми дверями и без протокола пошла речь о главном – дележе и распределении японских денег. Майор Акаси поторапливал Циллиакуса, на горизонте уже маячил Портсмутский мир, после которого неосвоенные средства на русскую революцию просто бы списали, а потом, по закону Паркинсона, никогда бы уже больше ничего на эти цели не выделили. И поэтому деньги следовало пустить в дело в пожарном порядке.

В кулуарах решили закупить винтовки, револьверы и взрывчатку, и везти все это в Россию на пароходах, один из которых под названием «Сириус» должен был из Турции доставить оружие в Кутаиси. Этот груз, кстати, благополучно привезли и передали грузинским социалистам-федералистам. Однако в Кутаиси во все времена творился полный кавардак. С одной стороны, это была грузинская Одесса, где все разворачивалось и тут же продавалось на базаре. С другой стороны, кавказский наместник граф Воронцов-Дашков, известный либерал, назначил кутаисским губернатором ни много ни мало реального члена РСДРП(б) агронома Старосельского.

В сельской местности там бесчинствовали гурийские «красные сотни», которые собирались, во-первых, внедрить в местное самоуправление, а, во-вторых, вырезать всех русских и армян. В такой ситуации пароход с оружием – песчинка в пустыне, капля в море, и не важно, продали ли ловкие бичо-федералисты те винтовки местным абрекам на рынке или честно раздали рабочим дружинам. Там сам губернатор рабочим дружинам казенные винтовки из арсенала бесплатно раздавал. И это оружие потом тоже оказалось на рынке. Но от центра все происходило далеко, и когда волнения были подавлены в городах и весях вдоль транссибирской магистрали, руки у карателей дошли и до этого глухого угла, на том история Кутаисской республики и закончилась.

Гораздо интереснее сложилась судьба другого парохода – «Джон Графтон», которому надлежало доставить груз винтовок в столицу. В начале 80-х, еще до перестройки, об этом даже телесериал сняли. «Графтон» должен был доставить 16 тысяч винтовок, три тысячи револьверов и три тонны динамита для восстания питерского пролетариата. Потенциальными грузополучателями значились русские эсеры, финские активисты и рабочие-гапоновцы. Именно для того чтобы принять и распределить груз, Гапон и отправился на родину северным путем через Стокгольм и Финляндию, а Поссе об этом ничего не сказал.

Но финны-активисты долго кочевряжились: то собирались делиться, то отказывались. Да и сами гапоновские рабочие принимать оружие готовы не были. Требовался авторитет самого батюшки, чтобы разрешить все конфликты. Гапон с Поссе сели в Стокгольме на прогулочную яхту, чтобы плыть в полунезависимое Великое княжество Финляндское, до которого, с одной стороны, руки русской полиции не дотянутся, а с другой – Питер вот он, рукой подать, как от Мытищ до Москвы. А по прибытии Гапон поручил пацифисту-Поссе разруливать дела с приемкой оружия.

До самого мирного революционера в России, рассчитывавшего обойтись одними забастовками, уже на яхте дошло, что Гапон, устроивший одну из самых кровавых боен в истории страны, втравил его в подготовку новой. Напряжения в отношения добавило и то, что во время скитания по финским шхерам лодка, на которой плыли Поссе с Гапоном, затонула. Гапона это приключение только позабавило: «кому суждено быть повешенным, тот не утонет», а вот Поссе пережил сильнейший стресс. Плавать синдикалистский теоретик не умел.

Георгий Хрусталёв-Носарь – первый председатель петербургского Совета рабочих депутатов. Фотопортрет

Гапон и Поссе наговорили друг другу массу обидного и разбежались врагами. Делить тоже было особо нечего, с «Джона Графтона» удалось снять примерно треть груза, после чего судно село на мель, терпящими бедствие заинтересовались местные власти, и экипаж предпочел взорвать судно и на шлюпках уйти за кордон. Содержимым схронов активисты с питерским пролетариатом делиться не стали, сказав: «Нам и самим мало». И растащили винтовки по

хуторам, как вещь в хозяйстве крайне необходимую. Так и пролежали они без дела до самого начала Гражданской войны в Финляндии в начале 1918 года.

А Гапон взялся из Финляндии возрождать свою рабочую организацию. Тем более, что его слава успела уже поблекнуть, а в столице на первый план вышли совсем другие рабочие лидеры и рабочие организации. Первым Советом, возникшим в России, официальной советской историографией считался Совет рабочих депутатов, созданный 12 мая 1905 года в Иваново-Вознесенске. Однако это не соответствует действительности. Просто большевики не хотели отдавать пальму первенства в создании того, что подарило название их власти, идеологически сомнительным фигурам.

Первый Совет под названием Совет рабочих делегатов был создан на рубеже зимы и весны 1905 года в Санкт-Петербурге. Возглавляли его будущий теоретик федерации «Набат» и махновщины анархо-синдикалист Всеволод Волин (Эйхенбаум) и рабочий-гапоновец Петр Хрусталева. Занимался этот Совет в основном сбором помощи жертвам 9 января. А потом полиция взяла в оборот рабочего Хрусталева, арестовав его ненадолго, и тогда выяснилось, что под его личиной скрывается дипломированный юрист, помощник присяжного поверенного Георгий Носарь. Что, кроме неблагозвучности фамилии, заставило его выдавать себя за рабочего Хрусталева, – загадка.

В начале XX века умственные рабочие ценили мнение заботящихся о них интеллигентов, и для того чтобы завоевать у них авторитет, «опрощаться» вовсе не требовалось. Рабочие сперва предложили возглавить совет Волину. Но тот отказался, потому что и не рабочий, и еврей. А вот рабочий Хрусталева вышел всем – и сословным положением, и вероисповеданием. Однако успехи того первого Совета оказались скромными. Зато когда в середине октября вспыхнула Всеобщая политическая стачка, для ее координации был сформирован уже Петербургский Совет рабочих депутатов с постоянно действующим исполкомом и газетой «Известия». Де-факто руководили им внефракционные социал-демократы Александр Парвус и Лев Троцкий, а в качестве зицпредседателя пригласили того же Хрусталева-Носаря с подходящим пятым пунктом и легендой о рабочей профессии. После 1917 года он станет городским головой в маленьком украинском городе Переяславе, а в 1919-м его расстреляют большевики. Шульгин писал, что это случилось из-за зависти Троцкого.

Последний снимок Георгия Гапона

А в конце 1905 года славе Носаря, модного рабочего вожака, завидовал рабочий лидер, вышедший в тираж, – Георгий Гапон. Отставной батюшка провел встречу со своей бывшей паствой. Собрал приехавших к нему бывших членов «Собрания» на своей квартире в Финляндии. И перед бывшими соратниками он позволил себе расслабиться и высказался в сердцах о наболевшем: «Товарищи, я разочаровался в революционных партиях: в них одни ж. ды, и заняты они интригами да дележкой денег. Даже глава Боевой организации – ж... д, да еще какой жирный». И тут его взгляд падает на затесавшегося среди гапоновцев единственного последователя Поссе – «товарища Михаила», карикатурного местечкового шлимазла, который слушает эти откровения, разинув рот. «Ну вы же понимаете, – съехал с темы Гапон, – что я это не обо всех евреях... среди них есть и замечательные люди – вот товарищ Михаил, например».

Кстати говоря, деньги на личные нужды в те дни Гапон имел от гонораров за издание брошюры с моральным осуждением еврейских погромов, выплаченных ему спонсорами-евреями.

Эта сцена, словно скопированная из «Града обреченного» Стругацких, ценна не своей комичностью, а информацией, которую она несет. Гапон, гостивший в Париже в доме Азефа, прекрасно знал, что тот является главой эсеровской Боевой организации. Он знал об этом задолго до откровений Бурцева отставному главе Департамента полиции Лопухину. Знал это в то время, когда в департаменте считали, что Азеф – их агент Раскин – Виноградов, член БО, но мелкая сошка, знающий лишь крупицы информации о боевой работе, а вовсе не организатор покушений на министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Если бы Гапон действительно стал штатным агентом полиции и сообщил бы ей правду об истинной роли Азефа, его бы озолотили.

А на той встрече он развернул перспективы новой Рабочей организации «Русского рабочего союза», построенного на основе программы Кропоткина. Впрочем, харизматичный проповедник понял Петра Алексеевича несколько по-своему, не так как его понимают твердые последователи. Скорее это напоминало построения теоретиков автономизма, появившиеся на рубеже 70-х – 80-х годов XX века, – Андре Горца и Антонио Негри. Гапон вел речь о создании автономных зон с новой экономикой на основе профсоюзов и связанной с ними торговой потребкооперации. Стартовый капитал для построения альтернативного общества Георгий Аполлонович собирался сколотить, отправив своих активистов скупать по деревням шерсть, которую потом намерен был втридорога перепродавать в Англии. На вырученные деньги в городах должны были открываться пекарни и мастерские, принадлежащие «Союзу рабочих».

Таким образом, коллективный синдикалистский сектор экономики постепенно потеснил бы частный капитал. На случай если власти спохватятся и решат пресечь деятельность синдикалистской экономики, рабочие должны были сделать в городах и деревнях схроны с оружием, чтобы при необходимости дать отпор репрессивному аппарату государства.

Рассорившись лично с Поссе, Гапон сохранил верность усвоенным от него принципам синдикализма. Между тем в России был обнародован манифест 17 октября, легализовавший деятельность рабочих союзов и даровавший неприкосновенность личности. А также амнистию политическим.

В январе 1905 года у «Собрания фабрично-заводских рабочих» имелись немалые активы: счета, помещения – частично собственные, частично арендованные на условиях длительной аренды с внесением залога. Гапон, воспользовавшись дарованной свободой, прибывает в Санкт-Петербург и возобновляет деятельность своей организации. Ему самому и через посредство рабочих и лично приходится общаться с правительственными чиновниками, полицейскими чинами, самим премьером Витте, на которого еще летом он собирался подготовить покушение, чтобы вернуть средства или получить компенсацию.

В этих хлопотах Георгию Аполлоновичу на свою беду довелось выйти на бывшего главу заграничной агентуры Департамента полиции, а на тот момент заместителя главы этого ведомства Петра Рачковского. Это был непревзойденный мастер провокации и вербовки, а по совместительству автор одного из величайших бестселлеров всех времен и народов – «Протоколов сионских мудрецов» – книги, чьи тиражи сопоставимы с тиражами Библии, Корана, «Капитала» и «Атланта, расправившего плечи».

Как литератор – литератору Петр Иванович пообещал отставному батюшке, что уладит все его проблемы с легализацией своей деятельности и денежной компенсацией, а Гапон за это должен помочь бороться со злодеями, умышлявшими против государства. И тут полтавский хитрован Гапон, словно кузнец Вакула, решил, что он может перехитрить самого полицейского Сатану, отца лжи. Среди эсеров у Георгия Аполлоновича был верный приятель Рутенберг-Мартын, человек, вытащивший его из-под пуль 9 января.

Гапон отправился к нему с предложением: «Давай мы инсценируем подготовку покушения на министра внутренних дел Дурново. Я сообщаю об этом полиции, а вы вовремя скрываетесь, оставив массу улик. Я в шоколаде, доказываю свою лояльность, получаю назад имущество «Собрания», начинаю деятельность «Русского рабочего союза», и вы в накладе не останетесь».

Рутенберг рассказал обо всем этом Азефу, чем абсолютно шокировал последнего. Кто-то помимо него осмеливается вести двойную игру и обводить полицию вокруг пальца! Азеф в свою очередь стал настаивать на том, что со связавшимся с полицией Гапоном следует покончить, причем прямого приказа об убийстве не отдавал. А с другой стороны – его психику расшатывал Гапон. Рачковский его уговаривал: «Ваша ценность как агента равна нулю, вот если бы завербовали кого-то из бывших эсеров-террористов, все ваши проблемы решились бы чудесным образом». Гапон начал подначивать Рутенберга встретиться с Рачковским: «Скажем, что ты готов завербоваться. В результате ты получаешь выход на Дурново и Витте, сможешь организовать на них покушение, а заодно потребуешь с Рачковского пять тысяч рублей единовременно, только за согласие сотрудничать».

С другой стороны, Азеф наконец велел Рутенбергу пойти на встречу и на ней совершить двойное убийство – Гапона и Рачковского. Осторожный Рачковский на «стрелку» не пришел, и Рутенберг решил, не дожидаясь санкции партии, готовить убийство одного Гапона. К тому же Гапон в последние дни жизни много пил, а когда напьется, себя не контролировал и часто делал глупости – то закажет оркестру в парижском ресторане играть «Реве та стогне Дніпр широкий», то в кругу революционеров по пьяной лавочке заявит, что династия Гапонов была бы ничуть не хуже, чем династия Голштейн-Готтропов, которых все именуют Романовыми. Теперь же, выпивая с Рутенбергом, порой сбивался с террористических фантазий на импровизации на тему выгодных сторон сотрудничества с полицией. Однако все это общеизвестно и десятки раз пересказано в мемуарах.

А вот о чем не упоминается или упоминается вскользь – это то, что за два дня до петли, ожидавшей его в шкафу дачи в Озерках, Георгий Аполлонович обнародовал «Программу русского синдикализма», на основании которой должен был действовать создаваемый «Русский рабочий союз». И в этом документе содержалось все: альтернативное содружество рабочих – «государство в государстве», профсоюзы, управляющие производством, либертарная педагогика – свободные школы.

В день своей смерти, за час до того как оказаться в петле, он все еще разворачивал перед своим убийцей перспективы деятельности рабочего союза, который уже открыл собственную кузницу, а вскоре должны были появиться коллективная булочная и слесарная мастерская, управляемые рабочими...

И вот что необходимо сказать в заключение этой поучительной истории. Обычно нам преподносят как истину тот факт, что революцию делают герои. Но иногда герои оказываются неэффективными, а во главе масс встают честолюбцы, прохиндеи или то и другое вместе. При этом, несмотря на свое честолюбие и прохиндейство, они могут быть вполне преданы идеалам и лучше умеют завоевать популярность широких масс, чем благородные и непорочные герои.

Вот и получается, что самым успешным практиком синдикализма, человеком, добившимся самого серьезного успеха в «юнион оргайзинге», был Георгий Аполлонович. И все люди, исповедующие синдикалистские убеждения, должны с гордостью носить имя продолжателей дела «попа Гапона».

...А судьба Владимира Поссе сложилась на удивление благополучно для жесткого века-волкодава. В 1934-м, в год убийства Кирова, он из пенсионера республиканского значения превратился в пенсионера союзного значения. В расстрельном 1937-м получил в Ленинграде отдельную квартиру в Доме специалистов на Лесном проспекте, наверняка доставшуюся ему от кого-то из жертв Большого террора. И скончался в 1940 году, благополучно не дожив до войны и ужасов блокады.

На фронтах холодной войны

Ситуация в Европе в 1940–1950-е гг. и создание Организации Варшавского договора

Перелыгин Сергей Игоревич

представитель Московского отделения РВИО, военный историк, лектор и публицист

Прошлый, 2025 год, прошёл под неугасающим светом 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ещё одной очень важной датой, также связанной с Великой Победой, была и 70-летняя годовщина создания Организации Варшавского договора (ОВД), пришедшая на май-месяц.

Организация Варшавского договора, лозунг которой был «Союз мира и социализма», и её могучие вооружённые силы, действительно стояли на страже не только социализма в Восточной Европе, но и мира, как во всей Европы, так и во всём мире.

Чтобы понять процесс создания ОВД, необходимо вернуться на 80 лет назад и рассмотреть ситуацию в Европе, сложившуюся после разгрома нацизма.

На пути к разъединению Германии

Ключевым вопросом тогдашней послевоенной Европы был германский вопрос. Согласно Потсдамскому соглашению 1945 года, побеждённая Германия была разделена на четыре зоны оккупации.

Варшавский щит – крепче, чем гранит.
Советский агитационный плакат. 1976 г.

Восточные территории Германии были разделены между СССР (часть Восточной Пруссии с городом Кёнигсберг, ставшей Калининградской областью) и Польшей (южная часть

Восточной Пруссии, Померания и Силезия). На Потсдамской конференции был решён и вопрос о западной границе Польше, в итоге она проходила по линии рек Одер и Нейсе.

Западные территории Германии были разделены между США, Великобританией и Францией. 2 декабря 1946 года американская (юго-западная) и британская (северо-западная) зоны оккупации Германии объединились в т. н. «Бизонию», что стало первым шагом к расколу Германии. В «Бизонии» американско-английская администрация начала создавать органы административного управления и административный совет экономики.

В ночь на 21 июня 1948 года в американской и британской оккупационных зонах была проведена денежная реформа. Рейхсмарки нацистской Германии прекратили свое хождение в западных зонах, вместо них были введены немецкие марки.

В течении осени – зимы 1948 года руководители СЕПГ в ряде встреч с советскими партийными и военными представителями обсуждали ситуацию в Германии в случае создания немецкого правительства на территории западных зон. Как вариант рассматривалось формирование временного правительства в советской зоне.

На фоне разворачивающихся событий по разъединению Германии произошло ещё одно знаковое событие, а именно подписание Североатлантического Договора или создание НАТО. 4 апреля 1949 года представителями двенадцати западных стран (Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Франция) под призывы «защиты своей безопасности и главных ценностей: свободы, демократии, прав человека и главенства закона» подписали этот направленный против Советского Союза договор. Сам договор вступил в силу после ратификации 24 августа 1949 года.

Одновременно, 8 апреля 1949 года к «Бизонии» присоединилась французская зона оккупации, и она превратилась в «Тризонию». 10 мая была принята конституция предполагаемого нового государства, действия которой распространялась на территорию всей Германии, включая и восточную часть. В итоге это привело к образованию 23 мая 1949 года Федеративной Республики Германии.

В ответ на этот шаг, руководство СЕПГ и Восточной Германии по согласованию с Советской стороной, 7 октября 1949 года объявило об образовании Германской Демократической Республики, «первому государству рабочих и крестьян на немецкой земле».

Правительство ФРГ с первых дней заняло крайне враждебную позицию по отношению к своему восточному немецкому собрату, а также непризнание новых границ по Одеру и Нейсе. Это привело к резкой активизации создания собственных вооруженных сил Западной Германии.

В ноябре 1949 года первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр оценил важную значимость немецкого военного контингента для Запада в его противостоянии Советскому Союзу.

Начавшаяся 25 июня 1950 года война на Дальнем Востоке резко обострила ситуацию и в Европе. В обстановке развернутой на Западе антисоветской кампании 4 июля 1950 года верховный комиссар в Германии Джон Макклой заявил, что западные державы будут рассматривать «нападение на Западную Германию как нападение на них самих».

Вопрос о западной границе Польши

В связи с этим 6 июля председатель Совета министров ГДР Отто Гротеволь (правительственную делегацию возглавлял Вальтер Ульбрихт, член Политбюро ЦК СЕПГ, а с 25 июля 1950 года – Генеральный секретарь) и премьер-министр Республики Польши Юзеф Циранкевич (член Оргбюро ЦК ПОРП) подписали Згожелецкий договор, по которому ГДР признала границу с Польшей по линии Одер-Нейсе.

Что касается взаимоотношений Польши с ФРГ, то именно вопрос о границе стал предметом особенно длительного спора между Варшавой и Бонном.

Для Польши раздел Германии являлся ничем иным, как одним из элементов сохранения своей безопасности в условиях, когда Бонн отказывался признать границу по линии Одер-Нейсе в соответствии с международным правом. Решение данной проблемы являлось перво-степенной задачей для польского правительства, поэтому все остальные вопросы, связанные с развитием польско-западногерманских отношений, имели в этот период второстепенное значение. Таким образом, образование ГДР и ФРГ поставило в повестку дня вопрос об отношении этих государств к Потсдамскому соглашению, а также об их взаимоотношениях с ПНР. ГДР, в целом, выполняла основные пункты Потсдамского соглашения. ФРГ не считала решения Потсдамской конференции по Германии, прежде всего относительно ее границ, окончательными. В этих условиях основной задачей Польши стала борьба за признание границ по Одеру-Нейсе, а также против ремилитаризации Западной Германии и проводимой ею политики изоляции ГДР.

ФРГ на пути к ремилитаризации и реваншизма

18 августа, используя сложившуюся ситуацию, канцлер ФРГ Аденауэр в интервью американской газете «Нью-Йорк таймс» высказался за создание из числа добровольцев вооруженных сил численностью 150 тыс. чел. в качестве составной части единой европейской армии в противовес казарменной народной полиции (Kasernierten Volkspolizei) в советской зоне оккупации. Тем самым было положено начало ремилитаризации Западной Германии.

В октябре месяце в Западной Германии было создано «ведомство Бланка», которому в будущем предстояло стать министерством обороны ФРГ. Теодор Бланк, по имени которого было названо это «ведомство», официально отвечал за отношения с оккупационными войсками союзников. На деле под руководством канцлера он вёл скрытую подготовку к восстановлению германских вооруженных сил.

19 декабря 1950 года был учреждён пост Верховного главнокомандующего объединёнными вооружёнными силами (ОВС) НАТО в Европе, который занял американский генерал Дуайт Эйзенхауэр. Его штаб был размещён в Париже, а позже в Рокканкуре (18 км от Парижа), куда Эйзенхауэр и прибыл 1 января 1951 года.

В марте 1951 года в Западной Германии была организована Федеральная пограничная охрана.

10 марта 1952 года Председатель Совета Министров СССР Иосиф Сталин в ноте предложил западным державам (Франции, Великобритании, США) провести переговоры о воссоединении и нейтрализации Германии.

18 февраля 1952 года к альянсу присоединились Греция и Турция и уже осенью НАТО провело четыре первых своих войсковых учения, в которых приняли участие подразделения всех армий.

В феврале 1953 года в Анкаре был подписан договор о сотрудничестве Греции, Турции и Югославии, положивший начало существованию т. н. «Балканского пакта».

В июле 1953 года Теодор Бланк и генерал Адольф Хойзингер выезжали в США для ознакомления с организацией и структурой американской армии.

18 марта 1954 года «ведомство Бланка» опубликовала планы развития западногерманских вооружённых сил, в соответствии с которыми, планировалось создать шесть пехотных дивизий, четыре танковые дивизии, две панцер-гренадёрские (мотопехотные) дивизии, численностью 500 тыс. чел., также тактическую авиацию в 1400 самолетов и корабли водоизмещением до 1500 тонн.

В ответ на это, 31 марта Советский Союз подал официальную заявку на приём в НАТО. Советское предложение резко контрастировало с формулой НАТО, озвученной первым Генеральным секретарём этой организации британским генералом лордом Исмэем «*держать США*

в (Европе), держать Германию под (контролем), держать Россию вне (Европы)» . Ответ на него был сугубо отрицательным «Нет необходимости подчеркивать абсолютно нереалистичный характер такого предложения. Оно противоречит самим принципам, на которых строится система обороны и безопасности западных государств» .

Ещё одним ответом на советское предложение стал ключевой документ МС 48 по применению НАТО первым ядерного оружия против СССР, принятый Североатлантическим Советом 17 декабря 1954 года.

25 января 1955 года Советский Союз объявил состояние войны с Германией законченным. Этому шагу последовали и другие страны народной демократии.

5 мая вступили в силу Парижские договоры 1954 года, ранее ратифицированные Бундес-тагом, по которым с Западной Германии снимался оккупационный статус, возвращался частичный суверенитет и давался «зелёный свет» на вступление в НАТО.

Где бы еще поджечь?.. Советский политический плакат, разоблачающий «мирные» инициативы НАТО

9 мая, в день 10-летия Победы в Великой Отечественной войне, в Париже состоялась церемония принятия ФРГ в Североатлантический альянс.

Варшавская конференция

В ответ на вступление ФРГ в НАТО, 14 мая в Варшаве во время проведения «Конференции европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе» был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский договор). Договор подписали Народная Республика Албания, Народная Республика Болгария, Германская Демократическая

Республика, Польская Народная Республика, Румынская Народная Республика, Венгерская Народная Республика, Советский Союз и Чехословацкая Республика. Договор был рассчитан на 20 лет. Согласно ему, было создано Объединённое командование Вооружёнными силами государств.

По подписанному Договору, целью союза социалистических стран было укрепление безопасности и обеспечение надёжной обороны от угрозы извне.

Договор основывался на равенстве участников, принципе невмешательства одних государств во внутренние дела других, в разрешении международных споров мирными средствами, воздерживаясь от угрозы силой.

По вопросам создания Объединёнными вооружёнными силами на закрытом заседании 12 мая выступил генерал армии Алексей Антонов.

Первым Главнокомандующим ОВС был назначен 1-й заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Иван Конев [], который занимал эту должность до 1960 года. Начальником Штаба ОВС был назначен 1-й заместитель начальника Генерального Штаба генерал армии Антонов, он занимал эту должность до своей кончины 18 июня 1962 года.

В силу договор вступил 4 июня 1955 года после ратификации его всеми странами подписантами.

ОВД имела как военное, так и политическое руководство. Ее высшим политическим органом был Политический консультативный комитет (ПКК), состоявший из глав правительств государств-участников договора. Раз в 2–3 года они собирались на совещания в одной из столиц этих стран.

Военные функции организации принадлежали ОВС, сформированным из контингентов сухопутных войск, ВВС и сил ВМФ каждой страны. Возглавлял военные структуры организации Главнокомандующий ОВС, орган управления которого (Штаб ОВС) находился в Москве. В числе его заместителей были министры обороны и крупные военачальники стран-участниц. Штаб ОВС состоял из постоянных представителей генеральных штабов союзнических армий и занимался вопросами деятельности войск, организацией маневров.

В связи с важнейшими внешнеполитическими событиями проходили встречи министров обороны стран – членов ОВД. В качестве постоянного органа в 1969 г. был сформирован Комитет министров обороны. Кроме того, постоянно действовали Военный совет и Технический комитет. Последний занимался научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. В союзных армиях были аккредитованы представители Главнокомандующего ОВС.

Состав союзных сил, предоставленных в ОВС

С основанием Варшавского договора в 1955 году был составлен строго конфиденциальный протокол о создании Совместного командования вооружёнными силами стран-участников в соответствии со статьями 5 и 6 Варшавского договора. Участвующие государства были обязаны предоставить части своих национальных вооружённых сил для Объединённых вооружённых сил. В начале альянса Советский Союз предоставил крупнейший контингент – около 75 процентов личного состава, в то время как другие государства-участники только находились на этапе наращивания и модернизации своих вооружённых сил.

20 сентября 1955 года между Советским Союзом и ГДР был подписан государственный договор.

Вооружённые силы ГДР были созданы по Закону о создании Национальной народной армии и Министерства национальной обороны от 18 января 1956 года на базе казарменной народной полиции и на добровольной основе. С 1 марта 1956 года начали действовать штабы и административные органы ННА.

С 24 мая 1958 года подразделения ГДР были переданы в состав Объединённых вооружённых сил. Согласно этому, государства-члены должны предоставить Объединённому высшему командованию следующие контингенты сухопутных войск и подразделений ВВС в качестве вклада:

Советский Союз предоставил в распоряжение ОВС 32 общевойсковых и 34 авиационных дивизии, Польша – 14 и 10, Чехословакия – 11 и 7, Венгрия – 6 и 2, Болгария – 7 и 4, соответственно. Албания должна была координировать свои силы с ОВС.

По данным Главного военного советника и военного атташе генерал-лейтенанта М. Н. Завадовского, к январю 1953 года численность Болгарской народной армии (БНА) достигала 146 тыс. чел. .

В 1952–55 годах началась поставка в Болгарию новейших на тот момент танков Т-54. Уже к 1950 году западные наблюдатели оценивали болгарский танковый парк от 400 до 700 единиц, что было сопоставимо с аналогичными показателями армий Польши и Чехословакии.

С начала 1950-х годов в болгарские ВВС стали поступать новейшие советские реактивные истребители МиГ-15, Як-23 и учебные Як-17.

В структуры ОВД были вовлечены все силы тогдашней румынской армии, а именно 8 сухопутных, 3 истребительных авиационных дивизии, 1 дивизия истребительно-бомбардировочной авиации, весь военно-морской флот.

Советский Союз предоставил в объединённые военно-морские силы 4-й флот и Черноморский флот. Военно-морские силы стран-членов – Болгарии, Польши и Румынии – были включены в состав Объединённого высшего командования. Албания должна была координировать действия своего флота только с Объединённым высшим командованием.

Таким образом, на возможном европейском «поле боя» против вооружённых сил западных капиталистических стран, объединённых в НАТО, встали на страже мира и социализма могучие Советская армия в союзе с братскими армиями стран народной демократии Восточной Европы.

Белый террор в России: только факты

Белый террор в приказах командования Западной армии А. В. Колчака (январь – июнь 1919 г.)

Заяц Николай Алексеевич,

кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет)

Вопрос о степени институционального насилия и репрессивной сущности режима адмирала А. В. Колчака продолжает оставаться предметом острых дискуссий и высокой степени политизации в исследованиях Гражданской войны в восточных регионах России. Хотя понятие «белого террора» прочно укоренилось в научной и публицистической литературе, его анализ часто отличается фрагментарностью и ограничивается описанием разрозненных трагических инцидентов. При этом недостаточное внимание уделяется системному изучению функционирования репрессивных механизмов, их реальных масштабов и, что наиболее существенно, институционализации террора в виде его административного оформления.

Мы божьей милостью Колчак воссесть на царский трон желаем...
Плакат В. Н. Дени. РСФСР, 1919 г.

Данное исследование нацелено на преодоление этого методологического пробела путем применения микроисторического подхода к анализу карательной политики, рассматриваемой через деятельность командования Западной армии – ударной силы колчаковского наступления в весенне-летней кампании 1919 г. Подобный ракурс является методически продуктивным, поскольку дает возможность перейти от общих заявлений о «терроре» к детальному изучению того, как репрессивная система работала на уровне армейского управления. Это позволяет рассматривать «террор» не как череду стихийных эксцессов, а как компонент официальной поли-

тики, интегрированный в логику военного администрирования и нацеленный на подавление инакомыслия силами регулярной армии. Хронологические рамки работы охватывают период командования армией генерала М. В. Ханжина, а источниковая база преимущественно основана на документах Западной армии из фондов РГВА, приведенных в тексте в отредактированном для удобочитаемости виде. Частично эти документы уже цитировались исследователями, однако ранее они не становились предметом специальной научной разработки.

С января по 20 июня 1919 г. пост командующего Западной армией занимал генерал-лейтенант М. В. Ханжин. Его ближайшими помощниками, которые помогали ему в управлении армией, был начальник штаба армии генерал-лейтенант С. А. Щепихин и генерал-квартирмейстер полковник А. Я. Нарышкин. Именно эти люди формировали и проводили в жизнь репрессивную политику на занятой армией территории.

Первоначально командование было занято реорганизацией армии и повышением ее боеспособности, особенно в рамках планируемого на весну 1919 г. общего наступления. Эти меры проводились с многочисленным повторением строгих угроз и обещанием наказаний за неподчинение. Так, в приказе о реорганизации частей Ханжин отметил: «Всех не подчиняющихся или замедляющих эту реорганизацию приказываю предавать военно-полевому суду как за умышленное внесение разложения в армию войсках на театре войны и приговаривать к смертной казни». 20 февраля на одно из донесений из 6-го корпуса о неповиновении одного из полков Ханжин наложил резолюцию: «Неповиновение пресекать решительными законными мерами. Полк немедленно отправить в район Байки в состав 3 Уральского корпуса».

Ужесточилась борьба с дезертирством. Временно командующий армией Щепихин в приказе № 25 от 3 февраля требовал от командиров корпусов применять «беспощадные меры против дезертиров... не останавливаясь перед употреблением в дело оружия», оправдывая любые меры восстановлением порядка. Дисциплина должна была укрепляться любой ценой: приказы – не обсуждать, неповиновение – немедленно пресекать, бунты – подавлять силой. Нерешительным начальникам грозили судом за бездействие. Мобилизацию предписывалось проводить властно, а не уговорами; уклоняющихся – арестовывать, агитаторов – уничтожать на месте. Вмешательство в дела железной дороги также запрещалось под угрозой суда.

Инструкции этого периода постоянно призывали командиров к инициативным репрессиям. Так, в циркулярном приказе от 30 января 1919 г. Ханжин писал командирам корпусов: «властная кара должна действовать молниеносно» против «бездействия власти и вопиющих нарушений закона», напоминая о данном им праве военно-полевого суда. Все это дублировало указания начальника штаба Верховного главнокомандующего Д. А. Лебедева от 23 января, предписывающие смещать нерешительных командиров и предавать их суду за недисциплинированность. Также согласно приказу Ханжина от 23 января 1919 г. командиры корпусов получили права командующих армиями «в пределах §§ 4, 5 и 6-го ст. 415 Положения о Полевом Управлении войск в военное время» 1868 г. на высылку «нежелательных лиц» и запрет на выезд и вывоз нужных людей и имущества.

Что эти требования были не пустым звуком, можно видеть из следующего примера. 25 января 1919 г. в 45-м Сибирском полку вспыхнул бунт – более 300 солдат бросило фронт и пошло к Симскому заводу. Однако восставшие были разоружены и арестованы частями Отдельной Казанской бригады 1-го Волжского корпуса. Командир корпуса В. О. Каппель отдал их военно-полевому суду, который 29 января расстрелял 29 человек – т. е., почти каждого десятого. Надо так полагать, это был не единственный подобный случай.

Отдельным направлением репрессивной политики стало подавление башкир. Конфликт между приверженцем «единой и неделимой России» Колчаком и лидером Башкирского правительства Заки Валидовым привел к противостоянию. Еще 30 января Колчак приказал арестовать и предать суду Валидова за измену. 18 февраля Валидов перешел с частью башкир к красным, оголив фронт. В тот же день Колчак потребовал «суровыми мерами привести в

порядок башкирские войска», а всех башкирских деятелей, заподозренных в связях с большевиками, отдавать под суд. Для ликвидации прорыва был создан Стерлитамакский корпус, развернутый в Южную группу генерал-майора П. А. Белова, получившего широкие полномочия. В приказе от 3 марта о создании группы Ханжин предписывал «беспоощадными действиями привести в порядок войска и население, создать специальные карательные отряды. Малодушных начальников предать полемому суду».

Особое внимание Ханжин уделял рабочим, справедливо видя в них потенциальный очаг сопротивления. В донесении Лебедеву от 25 января он признавал, что их недовольство вызвано экономическими проблемами: задержками зарплаты, снижением доходов и т. д. Хотя Ханжин и предложил улучшить их положение поставками товаров, на практике преобладали силовые методы. Для подавления волнений постоянно применялись войска: так, 19 января против «гнезда хулиганов» в Нязепетровске направлена сотня казаков с пулеметами, 30 января отправлен отряд на Потанинские копи для предотвращения забастовок. Директору было предписано информировать штаб о настроениях и производительности, а Щепихин обещал новую отправку при первой необходимости. Особенно жестким был приказ № 110 от 18 марта, которым Ханжин ввел на копиях режим, фактически приравнивающий рабочих к военнообязанным: 6-дневная рабочая неделя с 8-часовым рабочим днем и строгими нормами выработки (10 вагонеток угля в смену для забойщика и вагон угля для грузчиков за 6 часов), работа в праздники; уклонение от труда или нарушение правил каралось немедленным призывом в армию и выселением семьи рабочего в 7-дневный срок; наконец, перевод на интендантский паек, стоимость которого вычиталась из зарплаты. Уступкой была только полutorная оплата в праздники и сверхурочные. Этот приказ свидетельствует о милитаризации труда и нехватке людских ресурсов у белых, вынуждающей их использовать принудительный труд. Нетрудно догадаться, что это только провоцировало недовольства и большевистские настроения.

Как командующий армией Ханжин осуществлял и контроль над цензурой. Подчиненные ему военно-цензурные комитеты фильтровали прессу и корреспонденцию, а штаб напрямую вмешивался в дела местных властей. Особое внимание уделялось борьбе с эсеровским влиянием. В частности, 20 февраля Нарышкин предписал начальнику гарнизона Златоуста из-за «предвзятых» публикаций по поводу режима Колчака закрыть газету «Утро Приуралья». По указанию Ставки Ханжин приказал изымать эсеровскую литературу из солдатских лавок. Вообще в понимании Ханжина пропаганда и репрессии были тесно связаны – этот мотив в его приказах часто повторяется. Например, в одной из инструкций от 15 апреля он предписывал «беспоощадно подавлять восстания», одновременно распространяя информацию об «успехах армии». 19 апреля Нарышкин также потребовал при занятии городов арестовывать контрразведкой советских деятелей и захватывать типографии и документы, не допуская их использования «антиправительственными силами». Эти меры, по сути, означали ликвидацию даже такой урезанной свободы слова, какая была в тылу.

Отношение к военнопленным представляло особую проблему. Из практических соображений Ханжин попытался ограничить распространенный у белых самосуд над пленными. В приказе от 7 марта он подчеркивал, что важно получить расположение населения прифронтовой полосы: «Мы ведем гражданскую войну... Отсюда ясна выгода иметь его симпатии на нашей стороне, что достигается гуманным братским отношением к краснопленным». Он провозглашал принцип: «Смерть комиссарам и коммунистическим добровольческим отрядам и братский прием остальным насильно мобилизованным». 19 апреля Ханжин еще раз объяснил, что выражение «уничтожить красных» не следует понимать буквально и надо привлекать мобилизованных: «Поголовное истребление всех пленных я категорически запрещаю».

Эта проблема осознавалась и на высшем уровне. В обращении 6 мая 1919 г. верховный генерал-квартирмейстер Г. В. Леонов указывал на необходимость завоевания симпатий населения, ссылаясь на подобные меры, предпринятые красными, подчеркивал важность ограни-

чения реквизиций, их оплаты и наказания виновных военных . Однако реакция штаба Западной армии, выраженная в резолюции Щепихина – «Если таких указаний не было, то дать. Если были – сообщить копию в Ставку» – красноречиво свидетельствует об отсутствии у колчаковского командования продуманной политики в этом вопросе.

Правда, были запрещены также прилюдные расстрелы, бывшие обыденностью на фронте. В частности, перебежавший к белым в начале февраля 1919 г. полковник Богуславский отмечал: «Расстрелы эти ничего не дают, затем если нужно расстрелять, то это можно проделать в более глубоком тылу. На фронте же из них стараются создать как бы зрелище, все это жители прифронтовой полосы видят и передают через фронт» . Признав это, 17 марта Ставка потребовала от командующих «прекратить расстрелы в полосе прилегающей непосредственно к линии фронта» для недопущения слухов «распускаемых большевистскими комиссарами». На документе стоит пометка: «Это уже сделано» .

Конечно, речь шла только о борьбе с самовольными расстрелами мобилизованных. Коммунистов, комиссаров, интернационалистов и добровольцев командование призывало безжалостно истреблять. В переписке от 5 апреля Щепихин прямо указывал убивать коммунистов и комиссаров, ссылаясь на указания временного начальника штаба Верховного главнокомандующего П. Г. Бурлина: «Я понимаю, что такие части как 2 Уфимский и Ижевцев учить этому не приходится, но указать это Сибирским стрелкам полагаю не лишним» . Резолюция Ханжина подтвердила распоряжение и предписала по приказу Колчака проводить казни «в тылу, подальше» и «не публично». В другом приказе Ханжин лично требовал «беспощадно истреблять добровольческие части противника, а также мадяро-латышские, китайские и интернациональные, а также уничтожать всех комиссаров» .

Позднее были введены новые инструкции об отношении к пленным. Приказом № 241 от 11 мая Ханжин огласил повеление Колчака от 27-го марта 1919 г. № 273. Он делил всех военнопленных на четыре категории: 1) добровольцы из рабочих и бывших моряков, 2) добровольцы из крестьян-хлебопашцев, 3) мобилизованные сроков службы и категорий, призванных у белых, 4) мобилизованные остальных сроков службы и категорий. Первые две категории «как наиболее вредный элемент» отправлялись в тюрьмы и лагеря для предания распоряжением командующих армиями военно-полевому суду за государственную измену. Третья категория командующими распределялась по частям армии. В кадровых полках их приказывалось держать шесть недель, доказавших лояльность приводить к присяге, остальных отправлять в рабочие дружины на принудительные работы в тылу. В дружины же отправлялась и четвертая категория, кроме желающих служить .

Известно, что в тюрьмы и лагеря военнопленных попало несколько десятков тысяч военнопленных, которые находились там в весьма тяжелых условиях . Это означало, что большинство мобилизованных сочли «ненадежными». Режим в рабочих дружинах тоже был нелегким и провоцировал массовое дезертирство. Борьба с побегами велась жестко: приказ Ханжина № 276 от 25 мая предписывал «применять оружие включительно до расстрела убегающих» .

Отношение к офицерам, взятым в плен в составе Красной армии, тоже было строгим. Изначально они направлялись в Курганский военный округ для сортировки по «благонадежности» . Однако приказом № 189 от 24 апреля Ханжин огласил директиву Лебедева от 8 марта, предписывавшую предавать военно-полевому суду за государственную измену всех офицеров и генералов, взятых в боях с оружием в руках. Добровольно перешедшие направлялись в армейские офицерские школы для «проверки»; лишь после этого самые надежные могли быть восстановлены в чинах и отправлены в строй, а «недостойные» разжаловались в рядовые. Назначение без проверки допускалось лишь в исключительных случаях для оказавших «большие услуги армии». Добровольно перешедшие генералы отправлялись в Омск в распоряжение Главного штаба. В дополнение Ханжин с досадой констатировал хаос и неразбериху с прибывающими офицерами и требовал от частей предоставлять детальные сведения о них .

Важной частью репрессивной деятельности штаба было подавление волнений при мобилизациях в армию. Вначале с ними справлялись достаточно легко с помощью военной силы и запугивания. Примером является донесение начальника гарнизона Златоуста подполковника Бабийчука, который в феврале 1919 г. сообщал, что призывные недовольны и отказываются служить без обмундирования. Им была послана телеграмма коменданту Юрюзанского завода: «В случае неповиновения примите все меры к выяснению виновных агитации и расстрелу их на месте». От имени командарма Щепихин приказал донести и огласить «об окончании (расстреле) всего разбирательства по Вашему донесению, указав действовать энергично...». В итоге Бабийчук ответил, что мобилизация «прошла спокойно», в Златоусте тихо, но просил прислать отряд для изъятия агитаторов на рудниках .

Тем не менее, недовольство в тылу нарастало. И если основной уральский регион был придавлен жестким военным режимом и относительно спокоен, то в более отдаленных уездах стали вспыхивать восстания. Главным их очагом был Кустанайский уезд Челябинской области. Здесь в начале апреля население под руководством А. И. Жилыева восстало и захватило Кустанай. На подавление его Ставка и штаб армии отрядили силы Волжского корпуса. Одновременно каратели шли с юга, от Оренбургской армии . Комкор В. О. Каппель выделил батальон 3 Симбирской дивизии, взвод артиллерии и 2 эскадрона Волжской кавбригады. В приказе он отмечал: «...отряду ставлю задачей действуя по обстановке самыми беспощадными мерами уничтожить большевистские банды в районе Усть-Уйской, Боровая – Кустанай... Требую самых решительных и быстрых действий» .

Борьба была очень кровопролитной. 9 апреля объединивший оба отряда подполковник Сахаров сообщал, что «им половина города Кустаная занята и очищена, всего расстреляно около 1000 человек, кварталы, где засели красные, подожжены, что заставляет их выбегать и только это дает возможность их расстреливать и дом за домом брать, ожесточение страшное, дерутся даже женщины и мальчики до 12 лет» . На следующий день он донес, что город занят, производятся обыски и аресты, расстреляно около двух тысяч человек . Подчинявшийся Ханжину начальник Курганского военного округа генерал-майор А. Г. Георгиевский 14 апреля приказал не допустить бегства восставших на запад, послать против них сильные конные отряды с пулеметами, «появившиеся большевистские банды беспощадно уничтожать». Одновременно решено было запросить командующего Оренбургской армии, чтобы он тоже развивал действия . С трудом повстанцы прорвались к красным в Туркестан. Восстание жестокой ценой было ликвидировано.

Но на деле подавить до конца волнения так и не удалось. 22 апреля начальник гарнизона Кустаная стал просить отправки новых частей, так как ему массами поступали заявления, что в поселках вновь организуются «банды», которые «принимают угрожающие размеры» . 30 апреля Нарышкин сообщал в Ставку: «На основании донесения начгара Кокчетав в селе Мариинское Атбарского уезда образовался совдеп. Арестованы милиция и местные власти. Восставшие предполагают наступать на Айбасар, готовится выступление в Кокчетавском» . Для успокоения края пришлось регулярно высылать карательные отряды, которые широко использовали порки, расстрелы и сожжения сел. Сколько человек они уничтожили, можно только догадываться. Например, одно из донесений упоминает, что посланный в Петропавловский уезд отряд штабс-капитана Ванягина расстрелял в апреле-мае 1919 г. 350 человек . В литературе указывается и другая, сходная цифра – 374. Общее число убитых в Кустанае по тем же данным составляет 3000 чел . От имени высшей власти отряду была вынесена благодарность «за решительные действия по восстановлению порядка» .

Убийства и сожжения шли в русле инструкций власти. Приказ № 153 от 5 апреля 1919 года, изданный Ханжиным требовал от жителей самим выдавать агитаторов «Жители, которые будут виновны в укрывательстве, участии в восстании или в хранении военного оружия – будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены» . Эта политика получила полное одобре-

ние верховного командования. 12 апреля Лебедев выслал директиву, предписывающую «поголовное уничтожение восставших» и конфискацию их имущества в пользу армии. Безусловно это было не только в Кустанае. 25 апреля 22-й полк 3-го Уральского корпуса наступал на д. Покровское. Около 400 ее жителей ушли с красными и провели их лесными тропами в тыл к с. Сосновка. Скрывшиеся в зданиях красные нанесли полку огромные потери, а потом оттеснили белых на всем участке 6-й дивизии. В связи с этим 4 мая Бурлин сообщил приказ Колчака: «1. Все имущество жителей села Покровское конфисковать на нужды армии; 2. Село Покровское сжечь дотла». Ханжин без колебаний передал этот приказ и позднее наложил резолюцию: «Что сделано с дер. Сосновка по приказу Верх. Прав. надо сравнять с землей».

Ожидаемо мобилизованные бунтующих местностей не отличались надежностью. Как сообщал из Кургана командир кадровой бригады 2-го корпуса полковник Бырдин, настроение новобранцев было напряженным: запасные солдаты пассивны, но озлоблены из-за порок и срыва полевых работ. Характерно, что 17 евангелистов, отказавшихся от службы по религиозным убеждениям, им планировалось предать суду – хотя в Советской России уже было право на альтернативную службу по религиозным убеждениям. Бырдин наивно полагал, что с помощью созданной контрразведки удастся быстро выявить агитаторов. На те же методы полагалось и командование. Приказ Ханжина от 28 апреля предписывал усилить наблюдение контрразведки и наладить пропаганду среди мобилизованных. На деле же пополнение кустанайцев стало катализатором целой волны дезертирства весной 1919 г. Так, 21 апреля две роты 7-го Хвалынского полка и одна рота 42-го полка перешли к противнику. 25 апреля командир 4-го корпуса А. С. Бакич доносил, что пополнение кустанайцев поголовно перебегает, из-за чего 6-й и 7-й полки небоеспособны. Дезертирство нарастало и в других частях, особенно в Волжском корпусе, состоявшем во многом из бывших красноармейцев. Штаб был вынужден признать провал работы контрразведки – оказалось выгоднее платить по 30–40 рублей осведомителям из местных жителей.

Богатей с попом брюхатым и с помещиком богатым, из-за гор, издалека тащут дружно Колчака... Плакат В. Н. Дени. РСФСР, 1919 г.

В попытках справиться с этим власть пошла на жестокие меры. Приказ Ханжина № 257 от 20 мая огласил повеление Колчака за 14 мая, по которому все имущество дезертиров, включая землю, подлежало конфискации и распределению среди семей пострадавших солдат. Приказ предписывал не брать в плен таких «предателей и изменников», расстреливать на месте без суда, а в случае поимки – предавать военно-полевому суду. Многие перебежчики подвергались разлагающему влиянию при прохождении эшелонами через станции. В связи с этим в приказе № 163 от 25 мая Ханжин требовал «принять строжайшие меры к недопущению скоплений» на них, удаляя всех «непричастных к движению поездов». Приказ грозил: «Всех неподчиняющимся законным требованиям немедленно задерживать-арестовывать; при сопротивлении – подавлять оружием». С агитацией он требовал бороться патрулями и контрразведкой: «Подозрительных лиц задерживать для выяснения. Агитаторов-большевиков, при наличии улик, немедленно расстреливать на месте, донося по команде. Начальникам охранных частей, Комендантам станций и железнодорожному начальству строго следить за выполнением сего приказа; виновных в бездействии и нерешительности – предавать суду».

Но главным средством репрессий в руках командования стал военно-полевой суд. В этом колчаковский режим опирался на законодательную базу самодержавия, приспособив ее под реалии гражданской войны. Уже в приказе № 13 от 27 января Ханжин на основании п. 2 приложения к ст. 1309 кн. XXIV Свода военных положений в редакции 1914 г. предоставил командирам корпусов право на военно-полевые суды, с возможностью передачи подчиненным начальникам не ниже командира полка. Главным был общий корпусной суд. Приказом № 55 от 17 февраля Ханжин определил его территорией границы Златоустовского и Верхнеуральского уездов и г. Челябинск с окрестностями на 10 верст. Все дела в тылу армии передавались военному прокурору Курганского военно-окружного суда.

Структура и задачи судов были объявлены Ханжиным удивительно поздно, приказом № 126 от 26 марта, в котором приводился приказ Лебедева от 4 января 1919 г. Суд формировался за сутки из пяти человек под председательством старшего по званию, желательно штаб-офицера. Разбирательство шло в 48 часов при закрытых дверях, приговор приводился в исполнение в течение суток. Смертные приговоры, ходатайства о помиловании и разжалования подлежали утверждению высшим начальством, все остальное – начальником, отдавшим приказ о предании суду. Он же отвечал за назначение и производство дознания офицерами. Основания предания суду назывались очень размыто: «когда учиненное преступное деяние обвиняемых настолько очевидно, что нет надобности в его расследовании, или когда в интересах охранения воинской дисциплины и безопасности армии или общественной безопасности требуется немедленное рассмотрение». В «исключительных обстоятельствах» право на суды получали коменданты крепостей, начальники гарнизонов и отрядов. Но по факту это право было расширено и так. 30 марта Ханжин издал приказ, в котором на основании п. 2 приложения VIII к ст. 1309 кн. XXIV Свода военных постановлений дал его начальникам гарнизонов городов 1-го разряда (Уфа, Челябинск, Курган и Златоуст) и Уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия. В районе армии это были одни и те же люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.